

Об ограничении на сентенциальный акт с союзом *что* при деагентивных употреблениях глаголов речи*

© 2018

Михаил Юрьевич Князев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, 190121, Российская Федерация; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; Московский государственный педагогический университет, Москва, 119991, Российская Федерация; misha.knjazev@gmail.com

В статье обсуждаются дистрибутивные ограничения на выражение сентенциального актанта с помощью придаточного с союзом *что* при деагентивных употреблениях глаголов речи, таких как **Это говорит, что они прошли длительный путь эволюции* (ср. *Это говорит о том, что...*). Показывается, что подобные ограничения наблюдаются у сентенциальных актантов в позиции косвенного дополнения и связаны с аргументной структурой глагола (отсутствием субъекта пропозициональной установки). Приводятся данные экспериментального исследования с использованием факторного дизайна (распространенного в исследованиях островных ограничений), которые подтверждают грамматический статус предлагаемого ограничения. Рассматриваются различные подходы к дистрибуции сентенциальных актантов в генеративной грамматике. Демонстрируется, что обнаруженное ограничение может быть объяснено в рамках подхода, предполагающего, что сентенциальные актанты требуют (абстрактного) падежа, и дополненного специальным механизмом приписывания падежа в косвенных позициях.

Ключевые слова: аргументная структура, нулевые элементы, пропозициональные установки, сентенциальные актанты, экспериментальный синтаксис

On the restriction on complement clauses with the complementizer *čto* with non-agentive uses of speech act verbs in Russian

Mikhail Knyazev

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, 190121, Russian Federation; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation; misha.knjazev@gmail.com

The paper discusses a distributional restriction on the realization of *čto*-clause complements observed with non-agentive uses of speech act verbs. It is shown that these restrictions obtain only when the sentential complement is in the oblique position and that they are related to the argument structure of the predicate (the presence of an attitude holder argument). The paper presents the results of an experimental study using a factorial design (modelled on experimental studies of island effects), which provide evidence for the grammatical nature of the observed restriction. Several approaches to the distribution of sentential complements in generative grammar are discussed. It is argued that the observed restriction can be accounted for by the (abstract) Case requirement of sentential complements coupled with a mechanism of Case-licensing of sentential complements in oblique positions by a null preposition.

Keywords: argument structure, experimental syntax, null elements, propositional attitudes, sentential complements

* Представленное в данной статье исследование было выполнено при поддержке гранта РНФ № 16-18-02003 «Структура значения и его отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка».

1. Сентенциальные и именные актанты

Сентенциальные актанты имеют амбивалентный статус в грамматической теории. С одной стороны, по определению, сентенциальные актанты заполняют семантическую валентность предиката и, следовательно, должны трактоваться наравне с «прототипическими» актантами, такими как именные и предложные группы¹. С другой стороны, с точки зрения дистрибуции и других синтаксических свойств сентенциальные актанты отличаются от предложных и именных групп со сходным значением.

Делая обзор различий между сентенциальными и именными актантами, А. Б. Летучий [2012] отмечает, что русские придаточные с союзом *что* более ограничены в своей дистрибуции, чем именные актанты (в той же позиции). Так, придаточные со *что* в функции актанта глаголов типа *понимать* (*выяснить, осознать, открыть*) и предикативов типа *важно* недопустимы при номинализации, как показано в (1)—(2). Придаточные со *что* также неспособны, в отличие от именных актантов, находиться в позиции перед прилагательным в творительном падеже в конструкции с глаголами типа *считать*, как видно из (3а—b).

- (1) а. *понимание Дмитрием своих обязанностей*
 б. **понимание Дмитрием, что он обязан работать с полной отдачей*.
- (2) а. *важность новостей*
 б. **важность, что эти новости пришли вовремя*.
- (3) а. *Петя счел это замечание важным*
 б. **Петя счел, что ему дали премию, важным*
 ср.: *Петя счел важным, что ему дали премию*.

Летучий противопоставляет придаточные со *что* сентенциальным актантам с *то, что*, которые в аналогичных позициях оказываются более приемлемыми, чем первые, как видно из (4), что позволяет сближать их с именными².

- (4) а. *понимание Дмитрием того, что он обязан работать с полной отдачей*
 б. ?*важность того, что эти новости пришли вовремя*
 с. ?*Петя счел то, что ему дали премию, важным*.

Летучий делает следующий вывод относительно приведенных различий. Сентенциальные актанты отличаются по своему синтаксическому статусу от именных, при этом внутри самой категории сентенциальных актантов выделяются подклассы в зависимости от той синтаксической позиции, которую они занимают. «Сентенциальные актанты представляют собой своего рода “серую зону”, внутри которой выделяются подлежащие, прямые дополнения и др., но все они отличаются от канонических [именных. — М. К.] представителей тех же классов» [Летучий 2012: 85]. Таким образом, в упрощенном виде предлагается следующая типология актантов.

¹ Ср. цитату из классической типологической работы: «...the syntactic situation that arises when a notional sentence or predication is an argument of a predicate» [Noonan 1985].

² Впрочем, Летучий отмечает: конструкции с *то, что* не тождественны по дистрибуции именным актантам. Например, они недопустимы при номинализации некоторых глаголов, как видно из (ia), а также неспособны контролировать деепричастие, как в (ib). Исходя из этого он заключает, что эти конструкции имеют промежуточный статус между именными и «полноценными» сентенциальными актантами (придаточными со *что*) [Летучий 2012: 81].

- (i) а. **выяснение / раскрытие того, что Петров невиновен*
 б. **То, что, оказывается, можно уехать, удивив его, все же его успокоило*.

Таблица 1

Типы актантов (по А. Б. Летучему)

Именные актанты	Сентенциальные актанты
Именные подлежащие	Сентенциальные подлежащие
Именные прямые дополнения	Сентенциальные прямые дополнения
Именные косвенные дополнения	Сентенциальные косвенные дополнения ³

В центре внимания настоящей статьи сентенциальные актанты в позиции косвенного дополнения, которым Летучий уделяет меньше внимания. Будет показано, что такие сентенциальные актанты в русском языке обладают особыми свойствами, в частности накладывают ограничения на аргументную структуру матричного глагола, а именно требуют актанта со значением субъекта пропозициональной установки. Наличие особых свойств у сентенциальных косвенных дополнений может служить подтверждением их выделения в особую категорию в соответствии с классификацией сентенциальных актантов, предлагаемой Летучим (см. таблицу 1).

Вместе с тем при анализе сентенциальных актантов необходимо выйти за рамки проблем классификации и обратиться к вопросу об **объяснении** по крайней мере некоторых существующих ограничений на сентенциальные актанты — вопросу, который Летучий оставляет за скобками. В статье будет рассмотрено одно из таких ограничений, а именно ограничение на сентенциальный актант с союзом *что* при деагентивных употреблениях глаголов речи, ср. *Облик этих насекомых говорит³ (о том), что они прошли длительную эволюцию* (см. [Knyazev 2016]). Будет предложено объяснение этого ограничения (а также потенциально некоторых других ограничений), которое будет опираться на теорию падежа генеративной грамматики [Chomsky 1981]. Однако, вопреки стандартной трактовке сентенциальных актантов в рамках этой теории (см. [Pesetsky 1982; 1991; Pesetsky, Torrego 2011]), предлагаемый подход будет исходить из того, что требование (абстрактного) падежа распространяется не только на именные актанты, но и на сентенциальные (ср. Visibility Condition [Chomsky 1981; Stowell 1981]). Ключевой составляющей этого подхода будет особый механизм падежного лицензирования сентенциальных актантов в косвенных позициях с помощью нулевого предлога, свойства которого и будут в конечном счете объяснять рассматриваемое ограничение.

Таким образом, если на уровне **описания** ограничение на сентенциальный актант при деагентивных употреблениях глаголов речи может служить подтверждением различий между прямыми и косвенными сентенциальными дополнениями, из которых исходит Летучий, то на уровне **объяснения** оно, скорее, будет указывать на фундаментальную общность как прямых сентенциальных дополнений с косвенными, так и сентенциальных дополнений в целом с именными — общность, возникающую благодаря единому для всех актантов требованию (абстрактного) падежа.

Статья структурирована следующим образом. Первые два раздела эмпирические. В разделе 2 вводится ограничение на придаточные при деагентивных употреблении глаголов речи, а также формулируется ключевое обобщение, касающееся ограничения на аргументную структуру глагола при сентенциальных актах в позиции косвенного дополнения. В разделе 3 описывается эксперимент, который был проведен для проверки предложенного ограничения. Следующие два раздела теоретические. В разделе 4 обсуждаются три подхода к дистрибуции сентенциальных актантов, выдвигавшиеся в генеративной грамматике. В разделе 5 предлагается основная гипотеза о требовании падежа для сентенциальных актантов и показывается, как она может быть реализована посредством нулевого предлога. Итоги исследования подводятся в Заключение.

³ Здесь и далее понятие косвенного дополнения объединяет именные дополнения в косвенном падеже и предложные группы.

2. Ограничение на сентенциальный актант

2.1. Придаточное со *что* при деагентивных употреблении глаголов речи

К рассмотренным выше ограничениям на сентенциальный актант, которые отмечает А. Б. Летучий, можно добавить ограничение на придаточное с союзом *что* при деагентивных употреблении глаголов речи. Под деагентивными употреблении вслед за Е. В. Падучевой [2001; 2004] будут пониматься такие употреблении, в которых произошла деагентивация, т. е. семантическая деривация, предполагающая замену лица-агенса в позиции подлежащего на неагентивный актант, как правило, обозначающий событие или факт, см. (5). Деагентивация выступает как источник регулярной многозначности для глаголов различных семантических классов, в том числе глаголов речи. Так, Падучева [2004: 371] приводит около двух десятков глаголов речи, допускающих деагентивные употреблении; более полный список приводится в приложении к [Горшкова 2014].

(5) а. *Он грозил мне судом.*

б. *Разговор грозил перейти в драку* [Падучева 2001: 57].

Нас будут интересовать деагентивные употреблении только таких глаголов речи, которые способны присоединять придаточное со *что* или конструкцию с *то, что*⁴. Для ряда глаголов этого подкласса, приведенных в (6), обнаруживается интересное ограничение, ранее описанное в [Князев 2016]⁵. При деагентивных употреблении этих глаголов придаточное со *что* оказывается значительно менее приемлемым, чем конструкция с *то, что*, как показано в (7)—(8), несмотря на то, что при агентивных употреблении допустимы обе конструкции, как показано в (9)⁶. Это ограничение проявляется с разной степенью выраженности для глаголов в (6) (см. об этом далее), однако во всех случаях при деагентивных употреблении конструкция с *то, что* оказывается предпочтительной.

⁴ Глаголы речи будут пониматься максимально широко как класс, заведомо включающий в себя любые глаголы, способные обозначать речевой акт, вне зависимости от того, является ли для них это значение основным, первичным и т. д. Так, в этом смысле все глаголы в (6) являются глаголами речи, что отражается в реальной лингвистической практике их описания [Гловинская 1993а; Падучева 2004].

⁵ Это ограничение в первоначальном виде было сформулировано автором в докладе «How argument structure determines CP-selection: Evidence from Russian» на конференции ConSOLE XX (Лейпциг, Германия, 4—7 января 2012 г.). Оно также отмечается для глагола *говорить* в [Горшкова 2014], где приводятся результаты опроса с участием 56 человек, из которых 15 (26,7%) выбрали предложение со *что*, а 41 (74,3%) — предложение с конструкцией с *то, что*.

⁶ Здесь и далее используется материал Национального корпуса русского языка [НКРЯ] (время обращения: июль 2017). В (i) приводятся примеры из [НКРЯ] с придаточными со *что* при агентивных употреблении.

- (i) а. *И организаторы намекают, что пора заканчивать, потому что «тут сейчас концерт» — программа есть программа* [Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)].
- б. *Он грозил, что отправит нас всех на скамью подсудимых, если мы будем препятствовать расследованию* [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)].
- с. *Но в предисловии вы указываете, что это обработанный устный материал* [О. Шульчева-Джарман, Т. Л. Александрова. «Это нельзя публиковать — повредит репутации владыки» (2015.11.04)].
- д. *Очевидцы свидетельствуют, что он говорил как пророк* [С. Г. Бочаров. Из истории понимания Пушкина (1998)].

- (6) **Глаголы речи, демонстрирующие ограничение на придаточное со *что* в деагентивных употреблениях**⁷
говорить, грозить, намекать, указывать, свидетельствовать
- (7) **Деагентивные употребления с конструкцией *то, что***
- a. Внешний облик и особенности биологии этих насекомых **говорят** о том, что они прошли длительный путь эволюции в условиях Байкала [Л. Жильцова. Веснянки (plecoptera). Группа euholognatha (2003)].
 - b. А это **грозило** тем, что после первого года резидентуры меня могут и не оставить на второй [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984—2001)].
 - c. Название комиссии **намекает** на то, что серьезные противоречия между двумя министерствами в данной области в прошлом [Александр Латкин. Информатизаторы всей Руси (2003) // «Известия», 2003.07.08].
 - d. Этот факт **указывает** на то, что в разрезе этих скважин имеются прослои горных пород, которые еще недостаточно промыты закачиваемой в пласт водой [Использование индикаторов для решения геологопромысловых задач (2001) // «Геоинформатика», 2001.08.23].
 - e. Это **свидетельствует** о том, что в периоды максимального уровня двухвековой активности Солнца солнечная постоянная всегда была существенно повышенной, а в минимумы заметно снижалась [Хабибулло Абдусаматов. Солнце определяет климат // «Наука и жизнь», 2009].
- (8) **Деагентивные употребления с придаточным со *что***
- a. *[?]Внешний облик этих насекомых **говорит**, что они прошли длительный путь эволюции в условиях Байкала.
 - b. *А это **грозило**, что после первого года резидентуры меня могут и не оставить на второй.
 - c. *[?]Название комиссии **намекает**, что серьезные противоречия между двумя министерствами в данной области в прошлом.
 - d. *[?]Этот факт **указывает**, что в разрезе этих скважин имеются прослои горных пород, которые еще недостаточно промыты закачиваемой в пласт водой.
 - e. *[?]Это **свидетельствует**, что в периоды максимального уровня двухвековой активности Солнца солнечная постоянная всегда была существенно повышенной, а в минимумы заметно снижалась.
- (9) **Агентивные употребления**
- a. Ученые **говорят** (о том), что эти насекомые прошли длительный путь эволюции.
 - b. Иван **грозил** (тем), что уйдет после первого года резидентуры.
 - c. Эксперт **намекает** (на то), что серьезные противоречия между двумя министерствами в данной области в прошлом.
 - d. Ученые **указывают** (на то), что в разрезе этих скважин имеются прослои горных пород, которые еще недостаточно промыты закачиваемой в пласт водой.
 - e. Астрономы **свидетельствуют** (о том), что в периоды максимального уровня двухвековой активности Солнца солнечная постоянная всегда была существенно повышенной, а в минимумы заметно снижалась.

⁷ В этот список также входит глагол *напоминать*; он рассматривается отдельно в разделе 2.3.

Как можно заметить, употребления глаголов речи в (7) обладают явной семантической общностью. В этих употреблениях глагол речи обозначает в терминологии М. Киссина, рассматривающего сходное явление в английском языке, **отношение естественного знака** (natural-meaning relation) [Kissine 2010]⁸. Отношение естественного знака можно проиллюстрировать примерами типа *These clouds mean rain* 'Эти облака обозначают дождь'. Оно характеризуется двумя ключевыми свойствами. Во-первых, между членами отношения содержится каузальная связь, которая может быть прямой, как в примере выше, где первый член отношения является причиной, а второй — следствием, или обратной, как в примере *Those spots mean measles* 'Эта сыпь означает корь', где причиной является второй член отношения. Во-вторых, каузальная связь должна быть ограничена определенным «эпистемическим доменом», т. е. набором фактов, для которых имеет место данное каузальное отношение. Так, например, облака означают дождь относительно определенных представлений о метеорологии. М. Киссин показывает, что оба эти свойства имеют место в деагентивных употреблениях английских глаголов речи, проиллюстрированных в (10)⁹.

(10) a. *These impressive ruins **suggest** that Romans were present here.*

b. *These impressive fortifications **remind** us of Rome's presence.*

Предложенный Киссиным анализ можно распространить и на деагентивные употребления глаголов речи в (7). Например, в случае глагола *говорить* в (7а) можно утверждать, что внешний облик насекомых и особенности их биологии выступают естественным знаком (следствием) эволюции, которую эти насекомые прошли, в то время как наличие самой этой каузальной связи утверждается относительно фактов биологии. Сходную трактовку деагентивного употребления глагола *говорить* в (7а) приводит Анна А. Зализняк, относя его к «семиотическим» и предлагая ему толкование в (11). Как кажется, сходные толкования можно было бы предложить и для остальных глаголов в (7).

(11) *X говорит о Z* = 'Наличие факта X означает наличие факта Z' [Зализняк 2000: 395].

2.2. Эффект переходности глагола

Можно заметить, что деагентивные употребления глаголов речи в (7) обладают не только семантической, но и синтаксической общностью: все они являются непереходными. Наиболее ярко это проявляется в случае глагола *говорить*, который в деагентивном употреблении перестает присоединять прямое дополнение, как показано в (12а), ср. (12б). Глаголы *наекать*, *грозить* и *свидетельствовать* в принципе не имеют переходных употреблений, как видно в (13а—с).

(12) a. *О чем / *Что **говорят** внешний облик и особенности биологии этих насекомых?*

b. *О чем / Что **говорят** ученые?*

(13) a. *На что / *Что **намекает** название комиссии? ср. На что / *Что намекает эксперт?*

b. *Чем / *Что это **грозило**? ср. Чем / *Что грозил Иван?*

c. *О чем / *Что это **свидетельствует**?*

ср. *О чем / *Что **свидетельствуют** астрономы?*

⁸ Понятие естественного знака восходит к работе [Grice 1957].

⁹ Семантическое различие деагентивных употреблений *suggest* и *remind* в (10) обеспечивается тем, что лексическая семантика глагола накладывает ограничение на характер «эпистемического домена». Например, в случае глагола *remind* эпистемический домен предполагает, что слушающий не помнит о причине возникновения референта подлежащего актанта, см. [Kissine 2010].

Более интересный случай представляет глагол *указывать*. Этот глагол способен иметь переходные употребления в деагентивном употреблении, как видно в (14а), однако такие употребления лишены значения «естественного знака», как видно из невозможности перифраза в (14b). Напротив, деагентивные употребления, в которых выражено это значение, как в (15а), ср. (15b), непереходны, как видно в (15с)¹⁰.

- (14) а. *Однако сам факт развития культур на базе мировых религий **указывает** путь к созданию нравственной личности* [Т. Елизарова. Соблазн велик... // «Наука и религия», 1992].
 б. *#Однако сам факт развития культур на базе мировых религий означает путь к созданию нравственной личности.*
- (15) а. *Происшедшее ясно **указывает** на отсутствие религиозной свободы в Тибете* [Светлана Промашина. Обретение Панчен-ламы (1996) // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.27].
 б. *≈ Происшедшее означает отсутствие религиозной свободы в Тибете.*
 с. *Происшедшее ясно **указывает** *(на) отсутствие религиозной свободы в Тибете.*

Итак, глаголы речи, которые требуют конструкцию с *то, что* при деагентивных употреблениях (со значением естественного знака), также не допускают и прямого дополнения в этих употреблениях (или же не допускают его вовсе).

Можно предположить, что это свойство не случайно и что при его отсутствии не будет наблюдаться ограничение на придаточное со *что*. Действительно, если посмотреть на деагентивные употребления глаголов речи, которые сохраняют переходность в деагентивных употреблениях — таковы, например, глаголы в (16), ср. (18)¹¹, — то можно видеть, что при этих глаголах придаточное со *что* полностью приемлемо, см. (17).

- (16) **Глаголы речи, не демонстрирующие ограничений на придаточное со *что* в деагентивных употреблениях**
доказывать, подтверждать, показывать, демонстрировать
- (17) а. *Это **доказывает**, что проплыть вокруг земли невозможно, поскольку омывающий ее океан на севере замерзает, а на юге превращается в соль* [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)].
 б. *Ее поведение лишний раз **подтверждало**, что великому артисту незачем заниматься «выкрутасами» — за него говорит его великое искусство* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)].

¹⁰ Эта интуиция отражена в [Ушаков], где глагол *указывать* помечен как непереходный в значении «утверждая что-нибудь или свидетельствуя о чем-нибудь, обнаружить», которое, по-видимому, наблюдается в (15а), ср. значение «дать увидеть, показать, сообщить, назвать для сведения, для руководства», в котором глагол помечен как переходный и которое, по-видимому, наблюдается в (14а).

¹¹ *Доказывать* и *подтверждать* классифицируются как глаголы речи в [Гловинская 1993а: 168, 186], кроме того, Е. В. Падучева [2004: 371] приводит их в списке глаголов речи, допускающих деагентивацию. Что касается двух других глаголов, то они допускают употребления, очень близкие к *доказывать*, ср. (i)–(ii), что позволяет их рассматривать в одном списке с *доказывать*.

- (i) *Академик Дмитрий Львов убедительно **показал**, что 70 % налогооблагаемой базы прямо или опосредованно связаны с обложением доходом наемного труда* [Иван-дурак и миллиардер Шахновский (2003) // «Завтра», 2003.08.22].
 (ii) *Данишевский наглядно **продемонстрировал**, что медлительность может быть признаком не только заторможенности, но и хладнокровия* [Филипп Бахтин. Повод для радости. «Спартак» забил свой первый гол в Лиге чемпионов (2002) // «Известия», 2002.10.23].

(18) а. *Что это доказывает?*

б. *Что подтверждало его поведение?*

Таким образом, исходя из различий в допустимости придаточного со *что*, с одной стороны, между переходными и непереходными деагентивными употреблениями глаголов в (17) и (8) соответственно, а с другой — между агентивными и деагентивными употреблениями в (9) и (8) соответственно, можно сделать следующее заключение: свойства в (19), которые характеризуют деагентивные употребления глаголов речи в (8), не являются независимыми — наличие свойства (19с), т. е. собственно ограничение на сентенциальный актанта, обусловлено одновременно наличием свойств (19а) и (19б).

(19) а. Отсутствие агенса (деагентивация).

б. Непереходность деагентивного употребления.

с. Неприемлемость (слабая приемлемость) придаточного со *что* и требование (предпочтение) конструкции с *то*, *что*.

Сформулируем предварительное обобщение в (20), которое будет постепенно подводить нас к пониманию причин неприемлемости предложений в (8).

(20) **Ограничение на сентенциальный актанта (предварительная версия)**

Если сентенциальный актанта матричного предиката, подвергшегося деагентивации, находится в позиции косвенного дополнения, то этот сентенциальный актанта не может быть оформлен придаточным со *что*.

2.3. Эффект наличия актанта со значением субъекта пропозициональной установки

К обобщению (20) можно привести контрпример на основе поведения глагола *убедить*, проиллюстрированного в (21). Подобно глаголам речи в (6), этот глагол также может быть подвергнут деагентивации, как показано в (21а-б)¹². Кроме того, этот глагол присоединяет сентенциальный актанта в позиции косвенного дополнения (21с). Однако, как можно видеть в (21а), *убедить*, в отличие от глаголов в (6), даже при деагентивации не теряет способности присоединять придаточное со *что*, что противоречит обобщению в (20).

(21) а. *Это **убедило** астрономов, что перед ними одиночный источник излучения* [Татьяна Зими́на. Астрономы открыли новый класс черных дыр // «Наука и жизнь», 2009].
ср. *Это **убедило** астрономов в том, что...*

б. *Ученый **убедил** астрономов (в том), что перед ними одиночный источник излучения.*

с. *В чем / *Что это **убедило** астрономов?*

Можно обратить внимание на независимое отличие глагола *убедить* от глаголов в (6): у *убедить* имеется обязательный актанта с ролью адресата, выступающего в качестве субъекта пропозициональной установки. Так, Гловинская [1993б: 84] относит глагол *убедить* к предикатам ментального воздействия, т. е. таким, которые обозначают «речевые акты, имеющие целью каузацию устойчивого ментального состояния у адресата» и приводит для него толкование в (22).

¹² Глагол *убедить* рассматривается в числе глаголов речи, допускающих деагентивацию в [Падучева 2004: 371].

- (22) *X убеждает Y, что P* $\cong$ '(i) X хочет, чтобы Y считал, что P; (ii) Y не считает, что P; (iii) X говорит Y о фактах или приводит умозаключения, которые, по его мнению, заставят Y считать, что P; (iv) X говорит это, потому что хочет, чтобы Y считал, что P' [Гловинская 1993а: 185—186].

Хотя толкование в (22) относится к агентивному употреблению глагола *убедить*, компонент 'Y считает, что P', выступающий здесь в качестве цели X, как кажется, сохраняется и в деагентивном употреблении глагола¹³. Так, (21а) и другие примеры с деагентивным употреблением допускают перифраз с помощью каузативной конструкции, в которой исходное прямое дополнение является субъектом пропозициональной установки, ср. (23). Таким образом, при деагентивных употреблении глагола *убедить* имеется (обязательный) актант со значением субъекта пропозициональной установки, в отличие от глаголов в (6), ср. (7).

- (23) *Это заставило астрономов считать, что перед ними одиночный источник излучения.*

Можно возразить, что некоторые глаголы в (6) также допускают дативный актант с ролью адресата в деагентивных употреблении, как видно в (24).

- (24) а. *Образование пробкового слоя в листовых черешках говорит нам о том, что листопаду предшествует в растении длительная подготовка* [Л. Азарова. Листопад // «Химия и жизнь», 1967].
 б. *Три — священное число и намекает нам на то, что у человека три жизни* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)].

Можно заметить, однако, что такие употребления немного отличаются по смыслу от соответствующих деагентивных употреблений в (7а-е). Так, например, Анна А. Зализняк трактует их как особое подзначение семиотического значения *говорить* и предлагает для них отдельное толкование в (25), ср. (11). Это ставит под вопрос объединение таких употреблений с деагентивными употреблениями в (7а-е).

- (25) *X говорит Y-у о Z* = 'Воспринимая объект или явление X, человек Y воспринимает объект или явление Z' [Зализняк 2000: 394].

Однако, даже если объединить эти два типа употреблений, дативный актант в (24) заметно отличается от аккузативного актанта *убедить*. Во-первых, этот актант всегда может быть свободно опущен в отличие от актанта *убедить*, как показано в (26а-б), ср. (26с). Во-вторых, этот актант имеет крайне ограниченное выражение, как видно в (27).

- (26) а. *Образование пробкового слоя в листовых черешках говорит о том, что листопаду предшествует в растении длительная подготовка.*
 б. *Три — священное число и намекает на то, что у человека три жизни.*
 с. ^{??}*Это убедило, что перед ними одиночный источник излучения.*
 (27) *Образование пробкового слоя в листовых черешках говорит ^{??}ученым / ^{??}авторам статьи о том, что листопаду предшествует в растении длительная подготовка.*

И, хотя статус этого актанта требует дальнейшего изучения, очевидно, что он не является прототипическим актантом со значением субъекта пропозициональной установки¹⁴.

¹³ В отличие от цитируемых выше работ, в толковании, приводимом в Новом объяснительном словаре, Гловинская упоминает деагентивный вариант *убедить*, однако не дает ему полного толкования на языке Московской семантической школы, ср. 'быть аргументом, подтверждающим истинность какого-то положения' [НОСС 2003: 1175].

¹⁴ Это верно и для остальных глаголов в (6). Глагол *указывать* ведет себя аналогично глаголам *говорить* и *намекать*; глагол *свидетельствовать*, как кажется, исключает дативный актант (ср. ^{??}*Это*

Следствием промежуточного статуса этого актанта является несколько меньшая (по сравнению с примерами в (8)), хотя и все же осязаемая степень неприемлемости придаточных со *что*, как показано в (28).

- (28) а. *Образование пробкового слоя в листовых черешках говорит нам, что листопаду предшествует в растении длительная подготовка.*
 б. *Три — священное число и намекает нам, что у человека три жизни.*

Еще более сложный случай представлен глаголом *напоминать*. В первую очередь следует отметить, что у этого глагола выделяются два основных значения, различающиеся моделями управления. В первом значении (*напоминать 1*) — ‘заставлять кого-либо вспомнить о ком-либо, чем-либо’ — глагол требует предложной группы с предлогом *о*; во втором значении (*напоминать 2*) — ‘быть похожим на кого-либо, что-либо’ — глагол требует прямого дополнения (см. [БАС, 11: 291; Горшкова 2014: 84])¹⁵. Поскольку *напоминать 2* не имеет валентности на сентенциальный актант, далее это значение рассматривается.

Глагол *напоминать* сходен с глаголами в (6) и с глаголом *убедить* в ряде аспектов: 1) в своем агентивном употреблении он, как правило, обозначает речевой акт, как показано в (29б); 2) он также допускает деагентивные употребления, как видно в (29а); 3) его сентенциальный актант находится в позиции косвенного дополнения, как показано в (29с)¹⁶.

- (29) а. *Российская действительность то и дело напоминала ей, что царский венец не так уж прочно держится на ее голове* [Ирина Грачева. Суздальские тайны // «Наука и жизнь», 2009].
 ср. ...напоминала ей о том, что...
 б. *Духовник напоминал ей (о том), что царский венец не так уж прочно держится на ее голове.*
 с. *О чем / #Что ей напоминала российская действительность?*¹⁷

На первый взгляд, поведение *напоминать* больше похоже на поведение *убедить*, чем на поведение глаголов в (6), поскольку, как видно в (29а), этот глагол допускает придаточное со *что* при деагентивном употреблении. Кроме того, толкование этого глагола, приведенное выше, предполагает наличие в его ролевой структуре субъекта пропозициональной установки, ср. допустимость для предложений типа (29а) перифраза с использованием конструкции *заставить X вспомнить, что P* (см. также [Горшкова 2014: 84—85])¹⁸. Таким образом, можно ожидать, что причина «исключительного» поведения *напоминать*

свидетельствует нам о том, что...); дативный актант *грозить* (ср. *Это грозит ему тем, что...*) выражает не субъект пропозициональной установки, а объект, для которого вероятно наступление нежелательного события (подробнее см. [НОСС 2003: 240—243]).

¹⁵ В работе [Горшкова 2014: 84] отмечается, что оформление актанта в аккумулятиве при *напоминать 1* было возможно в XIX в., ср. (i), однако сейчас воспринимается как устаревающее.

- (i) *Обещанное ложе напоминает позор мой; никогда нога моя не вступит в сию комнату, никогда сон не сомкнет глаз моих на этой постели!* [Н. Мамышев. Злосчастный (1807)]

¹⁶ Е. В. Падучева [2004: 371] приводит *напоминать* в списке глаголов речи, допускающих деагентивацию.

¹⁷ Пример (29с) с дополнением в аккумулятиве допустим лишь в значении *напоминать 2*.

¹⁸ М. А. Горшкова выделяет следующие два подзначения у *напоминать 1*, которые очевидным образом соотносятся с агентивным и неагентивным употреблением: (1.1) ‘Субъект (X) ставит своей целью заставить объект (Y) что-либо вспомнить и совершает для этого определенные действия, как правило, речевые’ и (1.2) ‘Какая-то черта субъекта (X) вызывает у носителя ментального состояния (Y), который, как правило, не выражается, ассоциации с Z’ [Горшкова 2014: 84—85].

кроется, как и в случае с *убедить*, в наличии актанта со значением субъекта пропозициональной установки.

Можно заметить, однако, что деагентивные употребления *напоминать* не ограничиваются случаями типа (29а). Если посмотреть на примеры типа (30а), то можно видеть, что в них *напоминать* имеет определенное сходство с деагентивными употреблениями глаголов речи типа *говорить* в (8а-е). Так, пример (30а) близок по значению к (30б), что позволяет считать, что в этом примере *напоминать* выражает отношение естественного знака: причиной наличия автомобилей определенной марки является тот факт, что город находится в Америке. Эта интуиция подтверждается тем, что М. Киссин анализирует аналогичные примеры в английском с глаголом *remind* (31) таким же образом, как и деагентивные употребления глаголов *suggest* и *threaten* (см. анализ (10) выше).

(30) а. *И только автомобили **напоминают** о том, что этот город находится в Америке* [Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка (1936)].

б. *И только автомобили говорят / свидетельствуют о том, что этот город находится в Америке.*

(31) (=10b) *These impressive fortifications **remind** us of Rome's presence.*

Таким образом, есть основания различать два типа деагентивных употреблений *напоминать*: 1) употребления типа (29а), имеющие каузативную семантику и предполагающие наличие субъекта пропозициональной установки, и 2) употребления типа (30а), обозначающие отношение естественного знака и не предполагающие по крайней мере прототипического субъекта пропозициональной установки. Это противопоставление подкрепляется важным аргументом: в деагентивных употреблениях *напоминать* типа (30а) возможно опущение дативного актанта подобно тому, что это наблюдается при глаголах типа *говорить*, ср. (26), в то время как в каузативных употреблениях типа (29а) такое опущение проблематично, как показано в (32), ср. (30а).

(32) ¹⁹*Российская действительность то и дело **напоминала**, что царский венец не так уж прочно держится на ее голове.*

Исходя из того, что в деагентивных употреблениях типа (30а) отсутствует субъект пропозициональной установки, ожидается, что придаточное со *что* будет недопустимо, как и в случае с деагентивными употреблениями глаголов речи типа *говорить*¹⁹. Как показано в (33), это утверждение в целом подтверждается²⁰.

(33) ²⁰*И только автомобили напоминают, что этот город находится в Америке.*

Суммируем полученные данные по всем рассмотренным глаголам в таблице 2. Как можно видеть, из всех лексико-грамматических классов глаголов речи единственный класс, не допускающий при себе придаточное со *что*, — это деагентивные употребления глаголов, которые требуют косвенного дополнения (в деагентивном употреблении) и не имеют актанта, обозначающего субъект пропозициональной установки.

¹⁹ Это согласуется с замечанием М. А. Горшковой [2014: 85] о том, что деагентивные употребления *напоминать* / в основном встречаются с предложной группой с *о*. Однако Горшкова не противопоставляет каузативный и некаузативный тип деагентивного употребления *напоминать*, что делает интерпретацию этого наблюдения в контексте предлагаемого в статье обобщения проблематичным.

²⁰ Надо учитывать, что примеры типа (33) потенциально неоднозначны, поскольку, если предложенная выше трактовка верна, такие примеры также допускают анализ с каузативным прочтением *напоминать* и опущением дативного актанта (экспериментера), которое неприемлемо по независимым причинам. Разграничение этих двух прочтений *напоминать* на данном этапе исследования представляется затруднительным, хотя наблюдаемые суждения и не противоречат предлагаемому анализу.

Таблица 2

**Допустимость придаточного со *что*
при различных лексико-грамматических классах глаголов речи**

Лексико-грамматические признаки глагола	[+агентивность]	[–агентивность]		
		[+переходность]	[–переходность]	
			[+субъект ПУ]	[–субъект ПУ]
Примеры глаголов	<i>говорить, намекать, напоминать, доказывать, подтверждать</i> и т. д.	<i>доказывать, подтверждать, показывать, демонстрировать</i>	<i>убедить, напоминать</i>	<i>говорить, намекать, свидетельствовать, указывать, напоминать, грозить</i>
Допустимость придаточного со <i>что</i>	ОК	ОК	ОК	*/?

На основе этих данных можно сформулировать уточненную (и окончательную) версию ограничения на сентенциальный актанта, которая приводится в (34), ср. (20).

(34) Ограничение на сентенциальный актанта (окончательная версия)²¹

- a. Если у предиката есть сентенциальный актанта в позиции косвенного дополнения, то этот актанта может быть выражен придаточным со *что*, только если у этого предиката есть другой актанта со значением 1) агенса коммуникативного акта (содержанием которого является этот сентенциальный актанта) или 2) субъекта пропозициональной установки (содержанием которой является этот сентенциальный актанта).
- b. Если у предиката с сентенциальным актанта в позиции косвенного дополнения нет актанта со значением агенса коммуникативного акта или субъекта пропозициональной установки, то этот актанта может быть выражен только именной или предложной группой (в том числе конструкцией с *то*, *что*).

Итак, было сформулировано центральное эмпирическое обобщение данной статьи, которое демонстрирует наличие грамматического ограничения на косвенные сентенциальные дополнения, тем самым позволяя выделить эти дополнения в отдельный класс. В дальнейшем изложении будет сделана попытка объяснить данное ограничение, но перед этим необходимо коснуться вопроса о его грамматическом статусе.

2.4. Грамматический статус ограничения

Как можно видеть по использованным диакритикам в примерах, иллюстрирующих ограничение на сентенциальный актанта (см. (8a-b), (8d-e) и (33)), предложения, нарушающие это ограничение, хотя и не являются полностью приемлемыми, все же не представляются и полностью неприемлемыми²². Кроме того, соответствующие примеры встречаются в [НКРЯ], как показано в (35).

- (35) а. *Но все в его поведении **говорит**, что такая «дичь» для него не самая обычная и желанная* [Акимускин Игорь. Тайна за иглами // «Химия и жизнь», 1970].

²¹ Заметим, что ограничение в (34) потенциально относится не только к глаголам речи, но и к любым предикатам, имеющим валентность на сентенциальный актанта с союзом *что*. Рассмотрение полного спектра фактов, подпадающих под ограничение в (34), выходит за рамки данного исследования, подробнее см. [Knyazev 2016; Князев 2017].

²² Исключение составляет глагол *грозить* в (8с), при котором придаточное со *что* оказывается абсолютно неприемлемым.

- b. *Найденные недифференцированные звуковые окраски смысла слов **намекают**, что язык — это не формально-логическая схема, в которой смысл слов установлен произвольными соглашениями и одни слова определяются через другие, как в словаре* [Леонид Перловский. Сознание, язык и математика // «Звезда», 2003].
- c. *Форма промоин на рисунке, соответствующая крутому склону, **указывает**, что поток несет с собой значительное количество грунта* [Леонид Ксанфомалити. Горные потоки и бассейны на Марсе // «Наука и жизнь», 2009].
- d. *Птицы поют, и ничто не **напоминает**, что здесь был ад и бушевало пламя невиданных температур* [Владимир Суворов. Была такая страна — «Лимония» // «Техника — молодежи», 1989].

Возникает естественный вопрос: насколько оправданно объяснять слабую приемлемость придаточных со *что* при деагентивных употреблении глаголов в (8а-е) грамматическим ограничением в (34)? Возможно, слабая приемлемость придаточных со *что* в этом контексте объясняется независимыми — не собственно грамматическими — факторами, связанными с трудностью обработки соответствующих предложений (см. следующий раздел)? Чтобы ответить на этот вопрос, было проведено экспериментальное исследование.

3. Экспериментальные свидетельства

3.1. Использование факторного дизайна для выявления грамматического статуса

Грамматическая теория (в первую очередь генеративная грамматика) довольно часто сталкивается с ситуацией, когда нарушение предполагаемого грамматического принципа в некотором предложении не приводит к его абсолютной неприемлемости [Schütze 2016]. В таких случаях может подвергаться сомнению собственно грамматический источник неприемлемости, вместо которого предлагается объяснение в терминах «обработки» (processing account). Так, в генеративной грамматике статус многих «грамматических» нарушений ставился под вопрос. Например, Т. Стауэл трактовал неполную приемлемость сенсентивных актантов в позиции подлежащего инфинитивной клаузы при глаголах типа *believe* в (36) как нарушение (грамматического) принципа избегания падежа (см. раздел 4.2) [Stowell 1981], тогда как другие исследователи считали такие предложения грамматичными, объясняя их неполную приемлемость трудностью обработки [Bošković 1995].

(36) *^{??}I believe [that John loves Mary] to be surprising.*

Разрешить подобные противоречия стало проще с приходом новой методологической парадигмы, получившей название экспериментального синтаксиса [Федорова 2013; Sprouse, Hornstein 2013]. Методы экспериментального синтаксиса позволяют отдельно оценить эффект предполагаемого грамматического нарушения и эффект независимых факторов обработки, потенциально снижающих приемлемость предложения с нарушением. Если эффект предполагаемого нарушения равен сумме эффектов обработки (так называемая «линейная аддитивность»), то это аргумент в пользу того, что предполагаемое ограничение является эпифеноменом и не имеет самостоятельного статуса в грамматической теории. Если же этот эффект значительно превышает сумму эффектов обработки (так называемая «сверхаддитивность»), то это свидетельство в пользу «грамматической реальности» предполагаемого ограничения.

Методология экспериментального синтаксиса в первую очередь была разработана для исследований островных ограничений, целью которых является проверка так называемых редукционистских теорий [Kluender, Kutas 1993; Hofmeister, Sag 2010]. Согласно этим теориям, островные ограничения (например, запрет на вынос вопросительного слова

из сложной именной группы) возникают не в результате нарушения некоторого грамматического принципа (например, принципа прилагания), а вследствие наложения двух независимых факторов, усложняющих обработку предложения, а именно: а) наличия дистантного вопросительного выноса (безотносительно к наличию островной структуры); б) наличия островной структуры (безотносительно к наличию дистантного вопросительного выноса). Методы экспериментального синтаксиса позволили опровергнуть (нулевую) гипотезу, согласно которой островные ограничения целиком объясняются суммарным эффектом двух факторов обработки, благодаря обнаруженным эффектам сверхаддитивности, свидетельствующим в пользу грамматической реальности островных ограничений [Sprouse et al. 2013]²³.

Экспериментальные методы исследования островных ограничений могут быть использованы при анализе дистрибутивных ограничений на сентенциальные актанты²⁴. Как было показано выше, придаточные со *что* при деагентивных употреблении глаголов речи, как в (37d), уступают по приемлемости как придаточным с *то*, *что* в (37с), так и придаточным со *что* при агентивных употреблении в (37b). Согласно основной гипотезе статьи, неполная приемлемость (37d) объясняется нарушением грамматического ограничения в (34), которое не нарушается в (37b) и (37с). Заметим, однако, что теоретически причина неполной приемлемости (37d) может состоять в меньшей приемлемости придаточных со *что* (безотносительно к агентивности конструкции) или в меньшей приемлемости деагентивных употреблений как таковых (безотносительно к типу придаточного) или в суммарном эффекте этих двух условий. Проверить эти утверждения можно с помощью экспериментального (факторного) дизайна с использованием двух пересекающихся факторов тип придаточного и агентивность, который показан в (37).

(37) а. **Ученые говорят о том, что эти насекомые прошли длительный путь эволюции.**
АГЕНТ | то, что

б. **Ученые говорят, что эти насекомые прошли длительный путь эволюции.**
АГЕНТ | что

с. **Внешний облик этих насекомых говорит о том, что они прошли длительный путь эволюции.**
НЕАГЕНТ | то, что

д. ^{??} **Внешний облик этих насекомых говорит, что они прошли длительный путь эволюции.**
НЕАГЕНТ | что

Факторный дизайн позволяет отдельно оценить эффект типа придаточного и эффект агентивности — сравнивая условия в (37b) и (37с) соответственно с базовым условием в (37a) — и за счет этого изолировать эффект предполагаемого грамматического нарушения (34), который ожидается в (37d). Если действительно имеет место грамматический эффект, то падение приемлемости при условии в (37d) по отношению к базовому условию в (37a) (= (37a) – (37d)) будет превышать суммарный эффект двух факторов обработки (= ((37a) – (37b)) + ((37a) – (37с))). Величина грамматического эффекта будет равна разности этих величин (= ((37a) – (37d)) – ((37a) – (37b)) + ((37a) – (37с))), которая эквивалентна так называемой «разности разностей», или **differences-in-differences (DD)** (= ((37с) – (37d)) – ((37a) – (37b))).

Наличие грамматического эффекта будет предполагать положительное значение DD (сопоставимое по величине с другими грамматическими эффектами). Такое значение будет

²³ Строго говоря, эффекты сверхаддитивности позволяют исключить только гипотезу о линейном наложении факторов обработки, поскольку они совместимы с гипотезой, предполагающей взаимодействие этих факторов в результате «перегрузки ресурсов». См. критику таких подходов в [Phillips 2013; Sprouse et al. 2013].

²⁴ Ранее эта методология была использована для исследования ограничений на сентенциальные актанты существительных, см. [Князев 2017].

отражать тот факт, что падение приемлемости при манипуляции одним из двух факторов (например, при переходе от придаточного с *то, что* к придаточному со *что*) будет сильнее при одном из уровней другого фактора (неагентивности), иначе говоря, две разности будут не равны друг другу. Наличие грамматического эффекта будет также предполагать статистически значимое (сверхаддитивное) взаимодействие, полученное при двухфакторном дисперсионном анализе.

3.2. Описание эксперимента

Для эксперимента было использовано пять глаголов речи, демонстрирующих ограничение на придаточные со *что* в деагентивных употреблениях: *говорить*, *напоминать*, *указывать*, *свидетельствовать*²⁵. Также (в качестве контрольного случая) был включен глагол *убедить*, для которого ограничение не было выявлено²⁶. Из этих шести глаголов было составлено 12 экспериментальных наборов (лексикализаций) по две лексикализации на каждый глагол. Для того чтобы учесть возможное влияние типа неагентивного подлежащего на приемлемость, одна из лексикализаций в неагентивном условии содержала полную именную группу (например, *внешний облик*), а другая — местоимение (например, *это* или *все*), однако для упрощения экспериментального дизайна сам тип неагентивного подлежащего как самостоятельный фактор не проверялся²⁷.

Каждый из 12 экспериментальных наборов был использован в четырех ($= 2 \times 2$) экспериментальных условиях, см. (37). Полученные 48 предложений были разбиты по четырем опросникам методом латинского квадрата. В каждый из опросников было добавлено по 18 филлеров трех степеней приемлемости, содержащих разные типы придаточных со *что*, отличные от проверявшихся в эксперименте (см. таблицу 5). Экспериментальные предложения и филлеры в опросниках были перемешаны в псевдослучайном порядке, как рекомендуется для подобных экспериментов [Schütze, Sprouse 2014]. В качестве задания участникам предлагалось оценить приемлемость предложений по шкале Ликерта от 1 до 5, дать субъективные и спонтанные оценки допустимости предложений без опоры на «школьные правила»; также сообщалось, что в эксперименте нет правильных и неправильных ответов. В начале опросника было приведено по два примера предложений, иллюстрирующих верхние и нижние точки шкалы. Эксперимент проводился в интернете с использования сервиса Google Forms в феврале 2017 г. Ссылка на опрос распространялась через социальные сети. Всего в эксперименте приняло участие 256 человек.

²⁵ Из соображений уменьшения размера опросника глагол *грозить* не был включен в экспериментальные предложения, поскольку для него неграмматичность придаточного со *что* в деагентивном употреблении не вызывает сомнений (8с), однако соответствующий пример был включен в список филлеров (см. М18 в таблице 5).

²⁶ Использование «контрольного глагола» *убедить* в одной группе с глаголами, по гипотезе, демонстрирующими ограничение на сентенциальный актанта, может показаться необычным, поскольку такой шаг делает невозможной проверку общей гипотезы в (34), ограничивая анализ свойствами конкретных глаголов в конкретных предложениях (автор благодарит Н. Слюсаря за это замечание). Этот недостаток дизайна отчасти объясняется тем, что ограничение в (34) изначально подразумевало закрытый список конкретных глаголов (см. (7)), которые потенциально могли значительно различаться между собой, в результате чего приоритетом стало получение основных описательных статистик для как можно большего числа разнообразных конструкций, нежели проверка общей гипотезы. В силу специфики используемого дизайна статистический анализ был проведен для каждого предложения отдельно (см. раздел 3.3). Глаголы типа *доказывать* (см. (16)), представляющие другой контрольный случай, не могли быть использованы в экспериментальных предложениях, поскольку при них конструкция с *то, что* в нейтральном контексте недопустима или маргинальна [Khomitsevich 2008; Князев 2016], что делает их несовместимыми с факторным дизайном в (37). Однако предложение с одним из них было включено в список филлеров (см. М6 в таблице 5).

²⁷ Возможное влияние типа неагентивного подлежащего отмечается в [Knyazev 2016].

3.3 Результаты

В таблице 3 приведены средние оценки для всех 48 экспериментальных предложений, разбитые по глагольной лексеме и типу неагентивного подлежащего. Заливкой выделена строка с оценкой для «неграмматичного» условия (придаточное со *что* при неагентивном подлежащем).

Таблица 3

**Средняя оценка приемлемости придаточного
со *что* и конструкции с *то, что*
при агентивных и деагентивных употреблении глаголов речи**

говорить	ИГ	A1	Ученые говорят о том, что эти насекомые прошли длительный путь эволюции.	4,49
		A2	Ученые говорят, что...	4,62
		A3	Внешний облик этих насекомых говорит о том, что они прошли длительный путь эволюции.	4,78
		A4	Внешний облик этих насекомых говорит, что...	3,60
	мест.	B1	Туроператоры говорят о том, что россияне вряд ли вернутся на излюбленный курорт в этот сезон.	4,46
		B2	Туроператоры говорят, что...	4,57
		B3	Многое говорит о том, что россияне вряд ли вернутся на излюбленный курорт в этот сезон.	4,68
		B4	Многое говорит, что...	2,34
намекать	ИГ	C1	Производитель намекает на то, что целевой аудиторией этого смартфона станут бизнесмены.	4,78
		C2	Производитель намекает, что...	4,06
		C3	Название смартфона намекает на то, что его целевой аудиторией станут бизнесмены.	4,81
		C4	Название смартфона намекает, что...	3,52
	мест.	D1	{Гид говорит, что в ресторане предлагается 10-15 сортов пива.} Он намекает на то, что заведение ориентировано на туристов.	4,73
		D2	{Гид говорит, что в ресторане предлагается 10-15 сортов пива.} Он намекает, что...	3,60
		D3	Если в ресторане предлагается 10-15 сортов пива, это намекает на то, что заведение ориентировано на туристов.	4,15
		D4	Если в ресторане предлагается 10-15 сортов пива, это намекает, что...	2,22
напоминать	ИГ	E1	Автор статьи напоминает о том, что смоленские земли были великим княжеством.	4,85
		E2	Автор статьи напоминает, что...	4,32
		E3	Корона в верхней части герба напоминает о том, что смоленские земли были великим княжеством.	4,93
		E4	Корона в верхней части герба напоминает, что...	3,58
	мест.	F1	Мемориальная доска напоминает о том, что в этом доме был когда-то первый в СССР рок-клуб.	4,72
		F2	Мемориальная доска напоминает, что...	4,04
		F3	Ничто не напоминает о том, что в этом доме был когда-то первый в СССР рок-клуб.	4,70
		F4	Ничто не напоминает, что...	2,60

указывать	ИГ	G1	Аналитики указывают на то, что российская экономика находится на пути к восстановлению.	4,76
		G2	Аналитики указывают, что...	4,00
		G3	Рост пассажиропотока указывает на то, что российская экономика находится на пути к восстановлению.	4,90
		G4	Рост пассажиропотока указывает, что...	2,95
	мест.	H1	Специалисты указывают на то, что определенные компоненты питания имеют большее значение для улучшения мышечной деятельности.	4,62
		H2	Специалисты указывают, что...	3,83
		H3	Все это указывает на то, что определенные компоненты питания имеют большее значение для улучшения мышечной деятельности.	4,49
		H4	Все это указывает, что...	1,91
свидетельствовать	ИГ	I1	Историк свидетельствует о том, что авторы этих публикаций действовали не по собственной инициативе.	4,31
		I2	Историк свидетельствует, что...	4,20
		I3	Синхронность появления этих публикаций свидетельствует о том, что их авторы действовали не по собственной инициативе.	4,84
		I4	Синхронность появления этих публикаций свидетельствует, что...	3,12
	мест.	J1	Эксперты свидетельствуют о том, что эти цифры не отражают полного масштаба проблемы.	4,38
		J2	Эксперты свидетельствуют, что...	3,75
		J3	Все свидетельствует о том, что эти цифры не отражают полного масштаба проблемы.	4,76
		J4	Все свидетельствует, что...	1,90
убедить	ИГ	K1	Председатель КНР убедил китайцев в том, что Коммунистическая партия является наиболее компетентной политической силой.	4,69
		K2	Председатель КНР убедил китайцев, что...	3,83
		K3	Отсутствие альтернативы убедило китайцев в том, что Коммунистическая партия является наиболее компетентной политической силой.	4,88
		K4	Отсутствие альтернативы убедило китайцев, что...	3,50
	мест.	L1	Соратники убедили шахматиста в том, что политического образования ему не требуется.	4,79
		L2	Соратники убедили шахматиста, что...	3,34
		L3	Это убедило шахматиста в том, что политического образования ему не требуется.	4,68
		L4	Это убедило шахматиста, что...	2,90

Для получения разности разностей (DD), а также для проведения статистического анализа полученные оценки были нормализованы с учетом средней оценки для каждого испытуемого (чтобы устранить фактор различного использования шкалы испытуемыми). На рисунке (с. 24) можно видеть диаграммы с нормализованной средней оценкой (со стандартной ошибкой) и величиной DD для каждого из четырех экспериментальных условий по 12 наборам предложений. Диаграммы разбиты по глагольной лексеме (по столбцам) и типу подлежащего (по строкам). Оценка для придаточного со *что* при агентивном употреблении глагола («неграмматичное» условие) выделена жирной точкой.

В силу особенностей дизайна (см. сноску 26) статистический анализ проводился для каждого из 12 наборов отдельно, как если бы набор соответствовал «мини-эксперименту» с межсубъектным планом (при котором каждое из четырех условий оценивается отдельной

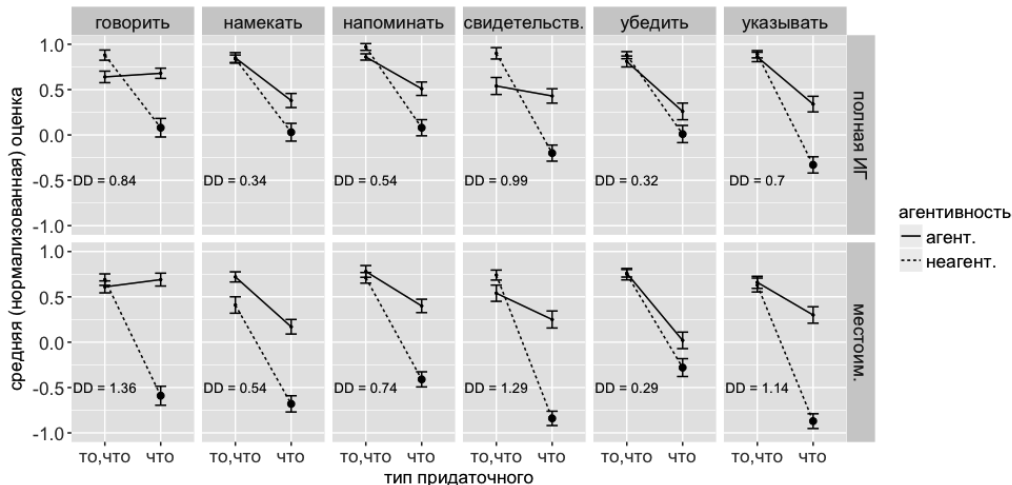

Рис. Средняя оценка придаточного со *что* и конструкции с *то, что* при агентивных и деагентивных употреблении глаголов речи

группой испытуемых)²⁸. Для определения статистической значимости каждого из двух факторов (агентивность и тип придаточного), а также их взаимодействия (агентивность × тип придаточного) использовался двухфакторный дисперсионный анализ. В таблице 4 приведена оценка уровня значимости (*p*-значение) для основных эффектов и их взаимодействия по 12 экспериментальным наборам (для сокращения места *F*-значения опущены).

Таблица 4

Оценка уровня значимости факторов агентивность, тип придаточного и их взаимодействия

Глагол	Подлежащее	агентивность	тип придаточного	агентивность × тип клаузы
<i>говорить</i>	ИГ	< 0,01	< 0,001	< 0,001
	мест.	< 0,001	< 0,001	< 0,001
<i>намекать</i>	ИГ	0,03	< 0,001	0,02
	мест.	< 0,001	< 0,001	< 0,001
<i>напоминать</i>	ИГ	< 0,01	< 0,001	< 0,001
	мест.	< 0,001	< 0,001	< 0,001
<i>указывать</i>	ИГ	< 0,001	< 0,001	< 0,001
	мест.	< 0,001	< 0,001	< 0,001
<i>свидетель- ствовать</i>	ИГ	0,06	< 0,001	< 0,001
	мест.	< 0,001	< 0,001	< 0,001
<i>убедить</i>	ИГ	не знач. (0,35)	< 0,001	0,03
	мест.	0,02	< 0,001	не знач. (0,06)

Суммируем полученные результаты. Как можно видеть по рисунку, для каждого из шести глаголов наблюдается падение приемлемости при переходе от конструкции с *то, что*

²⁸ При таком анализе не учитывается тот факт, что каждый испытуемый как бы участвовал в нескольких мини-экспериментах. В подобной ситуации более ожидаемо было бы использование анализа с повторными измерениями и внутрисубъектным планом, однако тогда пришлось бы объединить «экспериментальные глаголы» с «контрольным глаголом» *убедить*, что противоречило бы логике проверяемой гипотезы.

к придаточному со *что* в неагентивном условии (пунктирная линия). В агентивном условии (сплошная линия) также в большинстве случаев (кроме глагола *говорить*, с которым придаточное со *что* чуть более приемлемо) имеет место аналогичное падение приемлемости. Принципиально, что падение приемлемости в неагентивном условии во всех случаях сильнее, чем при агентивном, что можно видеть по большему наклону пунктирной линии и что отражено в положительном значении DD для всех 12 наборов. Любопытно, что положительное значение DD наблюдается и для «контрольного глагола» *убедить*, однако можно заметить, что для *убедить* это значение меньше, чем для остальных глаголов. Кроме того, для *убедить* значение DD оказывается ниже при местоименном подлежащем, чем при субстантивном, а не выше, как для всех остальных глаголов. Отличие *убедить* от остальных глаголов подтверждается и статистически. Как видно из таблицы 4, для всех глаголов, кроме *убедить*, обнаружено (сверхаддитивное) взаимодействие факторов агентивность $\times$ тип придаточного при обоих типах подлежащего. Хотя при субстантивном подлежащем взаимодействие для *убедить* достигло уровня значимости ($p = 0,03$), сравнимого с уровнем значимости для *намекать* (для которого этот уровень оказался ниже, чем для оставшихся четырех глаголов), при местоименном подлежащем наблюдается отчетливый контраст между *убедить*, для которого взаимодействие не значимо, и всеми остальными глаголами, которые демонстрируют стабильно низкий уровень значимости.

Интерпретируем полученные результаты. С точки зрения нулевой гипотезы слабая приемлемость придаточных со *что* при деагентивных употреблениях глаголов речи связана либо с предполагаемой меньшей приемлемостью придаточных со *что* как таковых (безотносительно к агентивности глагола), либо с меньшей приемлемостью деагентивных употреблений как таковых (безотносительно к типу придаточного), либо с суммарным эффектом этих двух факторов. Обнаруженное в эксперименте сверхаддитивное взаимодействие означает, что ни одно из этих объяснений не может быть верно. Если бы это было так, то понижение приемлемости, связанное с одним из факторов (или с обоими факторами), было бы одинаковым при обоих уровнях противоположного фактора (обоих факторов). В реальности, однако, понижение приемлемости, связанное с выбором придаточного со *что*, неодинаково при разных уровнях фактора агентивности, поскольку при деагентивных употреблениях понижение приемлемости при выборе придаточного со *что* оказывается существенно сильнее, чем при агентивных.

Таким образом, полученное взаимодействие нельзя объяснить суммарным эффектом независимых факторов (выбором придаточного со *что* и неагентивностью подлежащего), которые рассматривались как теоретически возможные источники низкой приемлемости придаточных со *что* при деагентивных употреблениях²⁹. Это взаимодействие, однако, следует из грамматического ограничения в (34), согласно которому такие придаточные неграмматичны. Ограничение в (34) также правильно предсказывает, что при глаголе *убедить* взаимодействие не будет наблюдаться (впрочем, остается неясным, почему слабый сверхаддитивный эффект для этого глагола был все же обнаружен при субстантивном подлежащем). Кроме того, в эксперименте удалось подтвердить предположение о том, что при местоименных подлежащих эффект ограничения в (34) будет сильнее, чем при субстантивных (хотя этот фактор не проверялся на статистическую значимость).

Отметим также, что, помимо взаимодействия, эксперимент показал независимый эффект типа придаточного, который состоит в том, что придаточные со *что* при обоих факторах агентивности имеет меньшую приемлемость, чем конструкция с *то*, *что*. Это видно по наличию наклона у обеих линий на рисунке. Этот эффект был выявлен не только у глаголов, подпадающих под ограничение в (34), но и у «контрольного» глагола *убедить*, при этом он не наблюдается у глагола *говорить*.

²⁹ Это не отрицает того, что сверхаддитивный эффект теоретически может объясняться взаимодействием этих факторов (см. примечание 23). Обсуждение этой возможности остается за рамками данной статьи.

Наконец, отметим, что в эксперименте также подтвердилось исходное предположение о том, что придаточные со *что* при деагентивных употреблении глаголов в целом демонстрируют промежуточный уровень приемлемости, что видно по выделенным заливкой строкам в таблице 3. Так, в нескольких случаях (например, A4, C4 и E4) придаточное со *что* в деагентивном контексте проявляет степень приемлемости, которая в абсолютных цифрах выше среднего (3 на шкале от 1 до 5), что заметно превышает степень приемлемости самых «плохих» из филлеров, приведенных для сравнения в таблице 5. Более того, средняя (абсолютная) оценка неграмматического условия с глаголами *говорить* (3,60) и *наекать* (3,52) оказывается выше, чем средняя оценка грамматического условия (придаточного со *что* при агентивном употреблении) при глаголе *грозить* (2,93), см. M8 в таблице 5, для которого ограничение в (34) не вызывает сомнения.

Однако, несмотря на промежуточный уровень приемлемости предполагаемых нарушений ограничения в (34) в абсолютном смысле, такие нарушения стабильно приводят к меньшей приемлемости «неграмматического» условия относительно трех других «грамматических» условий. Именно относительная неприемлемость «неграмматического» условия служит ключевым свидетельством в пользу ограничения в (34). Такой подход отражает трактовку грамматичности как относительного понятия, которая соответствует реальной лингвистической практике (см. [Sprouse et al. 2013]), а также подчеркивает тот факт, что абсолютные оценки приемлемости отдельных предложений не являются надежным индикатором (не)грамматичности, и, соответственно, показывает необходимость экспериментальных исследований³⁰.

Таблица 5

Средние оценки приемлемости филлеров

M1	Главная особенность этого смартфона заключается в том, что его можно мыть с мылом в горячей воде.	4,91
M2	Полиция подозревает задержанных в том, что они помогли киллеру достать оружие.	4,88
M3	Начальник ругает своего подчиненного за то, что тот остановил автомобиль члена Совета Федерации.	4,86
M4	Главный тренер «Челси» подтвердил, что сербский защитник покинет лондонский клуб.	4,85
M5	Мэр обвинил компанию в том, что она не платит налоги в местный бюджет.	4,83
M6	Теракт в Грозном подтверждает, что обстановка в Чечне далека от стабильной.	4,49
M7	Чиновник пугает украинцев, что их могут не пустить в Россию с новыми паспортами.	3,40
M8	Министр грозил, что Сирия собирается вернуть себе Голанские высоты.	2,93
M9	Полузащитник был готов, что его освистают фанаты футбольного клуба.	2,68
M10	Мать обвиняет дочь, что она позорит семью откровенными нарядами.	2,68
M11	Актер поблагодарил бывшую жену, что та дала ему возможность сохранить хорошие отношения с детьми после развода.	2,38
M12	Россияне ругают правительство, что оно не справляется с ростом цен.	2,32
M13	Полиция подозревает актера, что он угрожал своей бывшей невесте.	1,79
M14	Водитель рисковал, что его автомобиль могли отправить на штрафную стоянку.	1,73
M15	Президент поздравил Российский футбольный союз, что сборная вышла на чемпионат Европы.	1,41
M16	Многих это пугает, что прибыль на бирже не всегда стабильна.	1,38
M17	Основная претензия правообладателей заключается, что Гражданский кодекс идет вразрез с мировым правом.	1,36
M18	Закрытие завода грозит, что отходы станут свозить на свалки.	1,3

³⁰ Автор благодарен Н. Слюсарь за обсуждение этого момента.

Итак, если гипотеза в (34) верна и синтенциальные актанты в позиции косвенного дополнения действительно требуют наличия у глагола актанта со значением субъекта пропозициональной установки, то это является аргументом в пользу различия между прямыми и косвенными синтенциальными дополнениями, что в целом подтверждает классификацию синтенциальных актантов, предлагаемую в [Летучий 2012], см. таблицу 1. Целью этой статьи, однако, является не только описание ограничений на дистрибуцию синтенциальных актантов, но и их объяснение. Такое объяснение будет предложено в разделе 5, но перед этим необходимо рассмотреть, как проблема ограничений на синтенциальные актанты трактовалась в лингвистической теории (генеративной грамматике).

4. Ограничения на синтенциальные актанты в генеративной грамматике

Наличие синтаксических ограничений на синтенциальные актанты в некотором смысле неожиданно. Согласно распространенной в генеративной грамматике точке зрения, дистрибуция синтенциальных актантов определяется только их семантикой, в то время как синтаксические ограничения, свойственные именным актантам, на них не распространяются. Остановимся на этом подробнее.

В языках с морфологической категорией падежа типа русского действует очевидное ограничение, согласно которому актанты, маркированные определенным падежом, могут находиться только в тех синтаксических позициях, в которых этот падеж может быть написан. Например, в русском языке дополнения в аккузативе возможны только при переходных глаголах и недопустимы при большинстве неглагольных предикатов и глаголах, субкатегоризованных на предложную группу или косвенное дополнение, как показано в (38).

- (38) а. *Есть вероятность* *[его участие] / [его участия в конференции].
 б. *Я рад* *[ее приезд] / [ее приезде].
 в. *Я надеюсь* *[ее приезд] / [на ее приезде].

Подобные ограничения на именные группы действуют и в языках типа английского, в которых отсутствует морфологический падеж (у полных именных групп), как показано в (39).

- (39) а. *There is likelihood* *[his participation] / [of his participation].
 б. *I am glad* *[his arrival] / [about his arrival].
 в. *I hope* *[her arrival] / [for her arrival].

Для того чтобы отразить этот факт, в генеративной грамматике используется понятие абстрактного падежа (аккузатива, номинатива и т. д.), которым обладают все именные группы, безотносительно наличия морфологически выраженного падежа (подробнее о понятии абстрактного падежа см. [Lasnik 2008; Pesetsky, Torrego 2011]). Само же ограничение на дистрибуцию именных групп является следствием так называемого падежного фильтра, который предполагает, что у всякой именной группы есть признак (абстрактного) падежа, который должен быть проверен / приписан в определенной позиции. Таким образом, именная группа, маркированная определенным падежом, не может оказаться в позиции, которая ассоциирована с другим падежом или не ассоциирована ни с каким падежом.

Понятие абстрактного падежа, опирающееся на идею о структурном лицензировании актанта, не зависящем от его морфологического выражения, делает осмысленным вопрос о том, есть ли падеж у синтенциальных актантов. Стандартная трактовка в генеративной грамматике предполагает, что синтенциальные актанты не имеют признака абстрактного падежа и тем самым свободны от падежного фильтра [Pesetsky 1982; 1991; Safir 1985]. Эта трактовка основана на том, что синтенциальные актанты в ряде европейских языков, включая русский, способны оказываться не только в позиции прямого дополнения,

но и в позиции косвенного дополнения, как в (40a-b), а также в позициях, в которых не приписывается вообще никакой падеж, как в (40c)³¹. Такая трактовка далее называется теорией свободной дистрибуции.

(40) а. *Есть вероятность, [что он будет участвовать в конференции].*

б. *Я рад, [что она придет].*

с. *Я надеюсь, [что она придет].*

В реальности, однако, ситуация несколько сложнее. Если sentенциальные дополнения имеют более широкую дистрибуцию, чем именные дополнения, то sentенциальные подлежащие демонстрируют ограничения, сходные с теми, которые есть у именных подлежащих (в номинативе). Так, подобно именным подлежащим sentенциальные подлежащие недопустимы в инфинитивных клаузах, как показано в (41)³². Это ограничение обычно служит основанием для трактовки sentенциальных подлежащих как скрытых именных групп с признаком (абстрактного) падежа (см., например, [Bošković 1995])³³. Такая трактовка далее будет называться теорией частично ограниченной дистрибуции.

(41) а. **It is likely [that John loves Mary] to be surprising.*

ср. *[That John loves Mary] is surprising.*

б. **It is likely [the belief that John loves Mary] to be surprising.*

ср. *[The belief that John loves Mary] is surprising.*

Теория частично ограниченной дистрибуции приводит к асимметричной трактовке sentенциальных актантов, при которой sentенциальные подлежащие обладают абстрактным признаком номинатива, ограничивающим их дистрибуцию финитными клаузами, тогда как sentенциальные дополнения лишены аналогичного абстрактного признака аккумулятива, который бы ограничивал их дистрибуцию позицией прямого дополнения.

Несмотря на различие между этими двумя теориями в трактовке sentенциальных подлежащих, они обе исходят из того, что sentенциальные дополнения фундаментально свободны в своей дистрибуции (не считая ограничений, связанных с субкатегоризационными

³¹ Строго говоря, свидетельством в пользу отсутствия требования падежа у sentенциальных актантов являются только контексты, в которых глагол субкатегоризован на предложную группу, как при *надеяться* в (40с), поскольку контексты, в которых допустимы именные группы в косвенных падежах, как при предикате *рад*, теоретически можно было бы трактовать как приписывающие абстрактный датив / инструменталис / и т. д. sentенциальному актанту. Такая трактовка, однако, неудовлетворительна, поскольку в других случаях косвенный падеж (в отличие от номинатива и аккумулятива) требует морфологического выражения, см. [Pesetsky 1998]. Таким образом, дальнейшее изложение будет исходить из того, что sentенциальному актанту с союзом *что* в косвенных позициях не присваивается (абстрактный) косвенный падеж (иначе ожидалась бы конструкция с *то, что*, в которой этот падеж морфологически выражен на местоимении *то*).

³² Сходное ограничение может иметь место в русском языке, например, в таких предложениях, как (i), которые рассматривает Летучий. В рамках предлагаемого подхода придаточное со *что* в (ia) должно пройти падежное лицензирование, в результате которого ему приписывается датив (о подлежащих инфинитива в русском языке см., например, [Moore, Perlmutter 2000]), как видно из (ib). Запрет (ia), по всей видимости, связан с необходимостью морфологического выражения датива (см. предыдущее примечание).

(i) а. **Ндо же было Васю так напугать, что в комнате было темно!*

б. *Ндо же было тому, что в комнате было темно, так напугать Васю!* [Летучий 2012: 73]

³³ В более современных работах эта идея реализована как требование нулевой оболочки DP у sentенциальных подлежащих (см. [Davies, Dubinsky 2009; Takahashi 2010], а также [Knyazev 2016], где она распространяется также на sentенциальные дополнения).

рамками конкретных глаголов, которые должны быть заданы в словаре)³⁴. Таким образом, ни одна из них не способна объяснить ограничение на придаточное со *что* в (34). Это касается и других отмеченных в литературе ограничений на сентенциальные актанты, в том числе тех, которые приводятся в (1b)—(3b) в разделе 1³⁵.

В то время как теории свободной и частично ограниченной дистрибуции, так или иначе подчеркивающие свободу сентенциальных актантов от падежного фильтра, превалировали в генеративной грамматике в последние годы [Pesetsky, Torrego 2011], один из более ранних и весьма влиятельных подходов к дистрибуции сентенциальных актантов, представленный в диссертации Т. Стауэла, предполагал противоположную трактовку [Stowell 1981] (см. также [Tsai 1995]). Стауэл предложил широко известный принцип избегания падежа (case resistance principle), согласно которому сентенциальные актанты не способны находиться в позициях, в которых приписывается падеж, и должны переместиться на левую или правую периферию клаузы, оставив на своем месте (невидимый) след или плеонастическое местоимение. Именно этот принцип лежал в основе объяснения контрастов в (42)—(43), ср. аналогичный контраст (3a-b) в русском языке, который приводится в [Летучий 2012] (см. раздел 1)³⁶.

(42) a. **I condider [that John came home] to be fortunate* [Stowell 1981: 149].

b. *I condider it_i to be fortunate [that John came home]_i.*

(43) a. *?*John said [that she wanted to drive] quietly* [Ibid.: 161].

b. *John said t_i quietly [that she wanted to drive]_i.*

Важным допущением в подходе Стауэла была обязательность приписывания падежа сентенциальному актанту в контекстах типа (42a)—(43a), поскольку если бы падеж приписывался сентенциальному актанту факультативно, то принцип избегания падежа мог бы не вступить в действие и, следовательно, сентенциальный актант остался бы в своей исходной позиции, не перемещаясь на правую периферию, что противоречит наблюдаемым фактам. Чтобы избежать этой проблемы, Стауэл воспользовался реинтерпретацией падежного фильтра в терминах так называемого условия видимости (visibility condition), см. [Chomsky 1981], предполагающего распространение падежного фильтра на все актанты,

³⁴ Стоит отметить, что, хотя субкатегоризационные требования часто привлекаются для объяснения сочетаемости с сентенциальными актантами, когда та имеет явный идиосинкратический характер (см. [Alrenga 2005], а также понятие «lexical-selection» в [Pesetsky 1991]), представляется, что в случае ограничения на сентенциальный актант при деагентивных употреблениях имеет место более систематическое явление, которое требует грамматического, а не лексического объяснения.

³⁵ Среди таких ограничений можно выделить запрет на топиализацию придаточных, а также на продвижение в позицию подлежащего при пассиве из косвенных позиций, которые приводятся в (i)—(ii), подробнее см. [Alrenga 2005; Takahashi 2010]. Попытка объяснения сходного ограничения в русском языке (*?*Что у нее будет много времени, она уже не надеется*) исходя из требования падежа предлагается в [Князев 2016: 50 ff.]. Об ограничениях на сентенциальные актанты имен см. [Grimshaw 1990], а также [Князев 2017; Князев 2016] для русского языка (см. также примечание 39).

(i) **That the Giants would win the World Series was {hoped / felt / wished / insisted / reasoned} (by most baseball fans).*

ср. *It was {hoped / felt / wished / insisted / reasoned} (by most baseball fans) that the Giants would win the World Series.*

(ii) **That the Giants would probably win the World Series, (I think that) most baseball fans reasoned* [Alrenga 2005].

³⁶ О неприемлемости соответствующих примеров без плеонастического местоимения, как в (i), см. [Authier 1991].

(i) **I consider t_i to be fortunate [that John came home]_i.*

в том числе сентенциальные. Суть этого условия сводится к тому, что всякий актант (точнее, «цепь» коиндексированных актантов, ср. (42)–(43)) способен получить тета-роль и тем самым удовлетворить тета-критерию (стать «видимым» для него) только в том случае, если этот актант (точнее, одно из звеньев «цепи») находится в позиции приписывания падежа. В противном случае актант нарушает тета-критерий, что приводит к неграмматичности предложения. Поскольку при такой трактовке падежный фильтр есть семантическое, а не морфологическое требование (будучи фактически частью тета-критерия), его действие естественным образом распространяется на любые актанты, в том числе сентенциальные. Таким образом, падежный фильтр, реинтерпретированный в терминах условия видимости, совместно с принципом избегания падежа, позволил объяснить наблюдаемые в (42)–(43) факты³⁷. Подход Стауэла можно назвать теорией (полностью) ограниченной дистрибуции.

Несмотря на успешное объяснение ограничений типа (42a)–(43a), теория Стауэла сталкивается с очевидной проблемой, а именно с тем, что сентенциальные актанты допустимы в позициях, в которых не приписывается падеж, как было показано ранее, ср. (40)³⁸. В таких случаях Стауэлу приходится считать, что сентенциальный актант удовлетворяет тета-критерию в обход условия видимости, иначе говоря, сентенциальные актанты в косвенных позициях фактически трактуются как исключения³⁹.

Подводя итог, можно сказать, что если теории свободной и ограниченной дистрибуции не способны объяснить наличие ограничений на сентенциальные актанты (т. е. дополнения), то теория ограниченной дистрибуции, хотя и потенциально дает такую возможность, оказывается слишком рестриктивной, ошибочно запрещая грамматичные предложения. В таблице 6 приводится сравнение трех рассмотренных теорий дистрибуции сентенциальных актантов.

На наш взгляд, несмотря на свои недостатки, теория ограниченной дистрибуции Стауэла лучше всего подходит для объяснения ограничений на сентенциальные актанты в русском языке. Однако для того, чтобы она справлялась с проблемой излишней рестриктивности, она должна быть дополнена особым механизмом приписывания падежа сентенциальным актантам в косвенных позициях, а именно нулевым предлогом, о котором речь пойдет далее.

³⁷ Другим важным для Стауэла аргументом была трактовка «сентенциальных подлежащих» в английском языке как находящихся в позиции топики [Koster 1978], что непосредственно вытекало из принципа избегания падежа (см. современную реинкарнацию этого анализа в [Alrenga 2005] и его критику в [Davies, Dubinsky 2009]).

³⁸ На эту проблему указывают основные критики подхода Стауэла, см., например, [Safir 1985; Bošković 1995]. Ж. Бошкович также обращает внимание на возможность объяснения примеров типа (42a)–(43a) с помощью факторов обработки, а не с помощью принципа избегания падежа.

³⁹ Стауэлу удалось «спасти» условие видимости от целого класса исключений, связанных с сентенциальными актантами при существительных (ср. *John's claim [that he would win]*), предложив для них ставшую популярной трактовку, согласно которой они являются не актантами, а (апозитивными) сирконстантами. Такая трактовка, однако, не может быть распространена на все существительные, в том числе на «субъектные номинализации» типа *proof* ‘доказательство’, как показано в [Safir 1985] (но см. противоположный взгляд в [Moulton 2009]); на номинализации глаголов с подлежащим экспериенцером типа *awareness*, на которые указывает сам Стауэл [Stowell 1981: 205–206]; а также на так называемые сложные событийные номинализации (*complex event nominals*), как показано в [Grimshaw 1990] (см. критику этого взгляда в [Pesetsky, Torrego 2004]). Таким образом, теория Стауэла ошибочно предсказывает, что во всех этих случаях сентенциальный актант будет нарушать условие видимости. См., однако, работы [Князев 2017; Knyazev 2016], где показывается, что наличие ограничений на неапозитивные сентенциальные актанты существительных могут косвенно подтверждать идею Стауэла об обязательности падежа у сентенциальных актантов (при ряде допущений, связанных с возможностью их лицензирования нулевым предлогом, см. раздел 5).

Таблица 6

Сравнение теорий дистрибуции сентенциальных актантов

Теория	Основное утверждение	Основной аргумент	Проблемы	Сторонники
Теория свободной дистрибуции	Сентенциальные дополнения и подлежащие не ограничены падежным фильтром	Допустимость сентенциальных дополнений в косвенных позициях	Не предсказывает ограничений на сентенцильные актанты	[Pesetsky 1982; 1991]
Теория частично ограниченной дистрибуции	Только сентенциальные подлежащие ограничены падежным фильтром	Недопустимость сентенциальных подлежащих в нефинитных клаузах	Не предсказывает ограничения на сентенциальные дополнения	[Bošković 1995; Davies, Dubinsky 2009]
Теория полностью ограниченной дистрибуции	Как сентенциальные дополнения, так и сентенциальные подлежащие ограничены падежным фильтром	Обязательное передвижение сентенциальных подлежащих и дополнений из позиций приписывания падежа	Предсказывает недопустимость сентенциальных актантов в косвенных позициях	[Stowell 1981; Tsai 1995]

5. В поисках объяснения: теория нулевого предлога

Итак, в соответствии с теорией ограниченной дистрибуции сентенциальные актанты, подобно именным актантам, обладают признаком абстрактного падежа и, таким образом, должны удовлетворять падежному фильтру в том числе в косвенных позициях, включая те, в которых как будто бы никакой падеж не приписывается, как в (40с)⁴⁰. Как такое возможно?

Основная идея заключается в том, что сентенциальный актант, не будучи полноценной именной группой, накладывает менее жесткие требования для прохождения падежного фильтра и, таким образом, для его лицензирования достаточно «минимального» падежа, т. е. такого, который имеет лишь лицензирующую функцию, но при этом не имеет морфологического выражения. Будем называть такой падеж нулевым. Поскольку нулевой падеж не ассоциирован ни с каким морфологическим признаком падежа, он способен лицензировать только сентенциальный актант, но не именной, для которого такой признак является обязательным в силу правил русской морфологии. Следствием этого является то, что в «беспадежных» позициях именные актанты невозможны, как видно в (44)⁴¹.

(44) *Я надеюсь, [что она придет] / *это / *то, что она придет.*

⁴⁰ О возможности приписывания (абстрактного) косвенного падежа сентенциальному актанту см. примечание 31.

⁴¹ Обратное неверно, поскольку сентенциальный актант, по-видимому, способен получать не только нулевой падеж, но также абстрактный номинатив и аккузатив в позиции подлежащего и прямого дополнения (ср. сходный взгляд в [Bošković 1995; Lasnik 2008]), где высказывается гипотеза о том, что сентенциальные актанты (в английском языке) имеют факультативный признак структурного падежа. Заметим, что, поскольку (абстрактный) номинатив и аккузатив в русском языке могут не иметь морфологического выражения (ср. примечание 31), ничто не запрещает сентенциальному актанту иметь эти падежные признаки.

Сходная логика была использована для объяснения дистрибуции нулевого подлежащего инфинитива PRO в работе [Chomsky, Lasnik 1993], см. также [Martin 2001; Lasnik 2008]. Несмотря на отсутствие внешнего выражения, PRO является актантом и должно получить тематическую роль. Следовательно, PRO удовлетворяет условию видимости и, таким образом, должно получить падеж. Чтобы объяснить, каким образом PRO может находиться в позиции подлежащего инфинитива, которая недоступна для выраженных именных групп, была высказана гипотеза о том, что PRO получает от инфинитива особый нулевой падеж, который обычные именные группы иметь не могут⁴².

Как и всякий падеж, нулевой падеж сентенциальных актантов должен быть приписан некоторой вершиной. Репертуар вершин, приписывающих падеж в генеративной грамматике, не очень велик. Если абстрактный номинатив связывают с финитностью (T_{fin}), а аккузатив — с вершиной, кодирующей переходность глагола (V / малое v), то приписывание косвенных падежей обычно связывают с предлогом (см., например, [Pesetsky 2013])⁴³. Исходя из этой логики, наиболее естественным кандидатом для приписывания нулевого падежа сентенциальному актанту является нулевой предлог (предвосхищая дальнейшее рассуждение, будем называть его P_{HOLD}).

При такой трактовке сентенциальные актанты в позиции косвенного дополнения будут всегда занимать позицию комплемента нулевого предлога, как показано в (45b). Подобно тому как именной актант (включая конструкцию с *то*, *что*) в позиции косвенного дополнения лицензируется предлогом *на*, см. (45a), сентенциальный актант лицензируется нулевым предлогом P_{HOLD} .

(45) а. Я надеюсь [_P *на* [_{ACC} [*то, что она придет*]_{ACC}].

б. Я надеюсь [_P P_{HOLD} [_{NULL} [*что она придет*]_{NULL}].

Если принять гипотезу о лицензировании падежа нулевым предлогом, то будут иметься почти все компоненты для объяснения ограничения на сентенциальный актант в (34). В рамках этой системы допущений ключевой вопрос — почему придаточные со *что* в позиции косвенного дополнения накладывают ограничения на наличие актанта с ролью субъекта пропозициональной установки (в том числе агенса коммуникативного акта) в аргументной структуре глагола — может быть переформулирован: почему наличие нулевого предлога (P_{HOLD}), вводящего сентенциальные актанты, вызывает ограничение на аргументную структуру глагола?

Очевидно, что это ограничение должно каким-то образом вытекать из свойств самого нулевого предлога. Будем рассматривать P_{HOLD} как особый элемент лексики русского языка с фиксированным значением и специфическими падежными свойствами. P_{HOLD} можно сравнить с другим нулевым предлогом P_{HAVE} , постулируемым в английской конструкции с двойным объектом (см. [Harley 2002]), который передает значение обладания (HAVE) между актантом с ролью темы и актантом с ролью реципиента (отсюда известное ограничение

⁴² Концепция нулевого падежа у PRO была жестко раскритикована, в частности, в [Landau 2006] и с тех пор утратила популярность. Однако это не отменяет того, что предлагаемая здесь концепция нулевого падежа опирается на принятую в генеративной грамматике логику рассуждения. Другим примером подобной логики является короткая заметка [Pesetsky 1993], в которой высказывается гипотеза о том, что глаголы типа *complain*, которые не допускают именного дополнения (но при этом способны приписывать аккузатив подлежащему малой клаузы), обладают признаком нулевого падежа (zero case).

⁴³ Д. Песецкий предлагает считать, что косвенные падежи в русском языке, в том числе те, которые, на первый взгляд, отражают управление глагола (ср. *Иван помог Басе*), всегда приписываются предлогами — в том числе нулевыми в тех случаях, где такой предлог не выражен (например, P_{DAT} в случае *помог Басе*). Исключение составляет только приименной генитив.

на одушевленность реципиента в конструкции с двойным объектом, ср. *The editor sent Sue /^{??}Philadelphia the article* vs. *The editor sent the article to Sue / Philadelphia*). В отличие от P_{HAVE} , P_{HOLD} выражает не просто отношение обладания, а отношение обладания пропозициональной установкой, которое можно обозначить как HOLD (ср. термин «attitude holder»). Принципиально, что, подобно P_{HAVE} , P_{HOLD} будет также накладывать ограничение на одушевленность (личность) одного из своих членов, вытекающее из отношения обладания (пропозициональной установкой). Это и будет причиной ограничения на аргументную структуру глагола, которое имеет место при придаточных со *что* в позиции косвенного дополнения.

Так, поскольку при деагентивных употреблении глаголов речи отсутствует (одушевленный) актант, который мог бы стать субъектом отношения HOLD и тем самым «лицензировать» употребление нулевого предлога, наличие в структуре P_{HOLD} — а вследствие этого и придаточного со *что* — будет недопустимо, как показано в (46a) на примере глагола *намекать*. В агентивных же употреблении глаголов речи, как в (46b), отношение P_{HOLD} будет лицензироваться агенсом коммуникативного акта при естественном допущении, что глаголы речи обозначают речевую экстернализацию пропозициональной установки, как предлагается в [Searle 1976], и, таким образом, в их семантику входит отношение HOLD (связывающее агенс и сентенциальный актант).

- (46) а. **Это намекает* [_P P_{HOLD} [*что противоречия в прошлом*]].
 └───× HOLD ×───┘
 б. *Эксперт намекает* [_P P_{HOLD} [*что противоречия в прошлом*]].
 └─── HOLD ┘

Предложенный анализ может вызвать вопросы, связанные с природой ограничения на одушевленность, накладываемого нулевым предлогом. Может показаться, что объяснение имеет характер логического круга, иначе говоря, ограничение на одушевленность в конструкции объясняется соответствующим ограничением у нулевого предлога, тогда как последнее постулируется исходя из соответствующего ограничения в конструкции. Быть может, было бы проще объяснять ограничение на одушевленность свойствами конструкции или конкретных глаголов, как предлагает анонимный рецензент. Заметим, однако, что в первом случае такое объяснение потребовало бы указания у глагола в соответствующей конструкции чисто формального признака (способности приписывать аккузатив), поскольку, как было показано в разделе 2.2, на переходные глаголы типа *доказывать* это ограничение не распространяется. Постулирование отдельной конструкции (в привычном понимании) с таким признаком представляется малоудовлетворительным⁴⁴. Что касается второго случая, то объяснение ограничения свойствами конкретных (деагентивных) глаголов неприемлемо в силу некоторой, пусть и ограниченной, регулярности этого явления (см. также примечание 34)⁴⁵.

Даже если предложенный анализ представляется оправданным, остается вопрос о том, существуют ли независимые соображения в пользу наличия у нулевого предлога ограничения на одушевленность, иначе говоря, почему значение нулевого предлога, вводящего сентенциальный актант, должно быть именно таким (а не, наоборот, нечувствительным к одушевленности субъекта). Здесь, как кажется, возможны два объяснения, которые можно условно назвать семантическим и функционально-прагматическим.

Первое объяснение основано на том, что значение нулевого предлога, вводящего сентенциальный актант, недоспецифицировано в лексиконе, и для его спецификации необходим

⁴⁴ Это, однако, не отвергает возможности конструкционного объяснения как такового, если «конструкция» в нем будет понята не как неразложимая единица, а как «сконструированная» из определенных лексико-грамматических единиц по законам синтаксиса (о таком понимании см. [Ramchand 2008: 11]).

⁴⁵ См. также [Князев 2017], где рассматриваются (и отвергаются) два других потенциальных объяснения ограничения на одушевленность без привлечения нулевого предлога.

особый механизм, выводящий это значение из семантики непосредственного контекста, например из семантики (семантического типа) придаточного с союзом *что*, т. е. пропозиции. Такой механизм мог бы предполагать «заполнение» недоспецифицированного отношения, выражаемого нулевым предлогом, одним из предикатов в составе Qualia-структуры [Pustejovsky 1995] пропозиции⁴⁶. Поскольку Qualia-структура языкового выражения призвана, помимо прочего, отражать наиболее типичные отношения, в которых в качестве одного из членов выступает референт этого выражения, можно ожидать, что Qualia-структура придаточных предложений с семантикой пропозиции будет содержать отношения, сходные с отношением *hold*, а следовательно, предполагающие одушевленного субъекта. Такое объяснение в более развернутом виде приводится в [Knyazev 2016].

Второе объяснение также основано на том, что значение нулевого предлога восстанавливается из контекста, однако механизм восстановления апеллирует не к некоторому абстрактному принципу (репрезентации), а к частотности употребления соответствующих конструкций. Естественно считать, что типичным контекстом для придаточных со *что* в позиции косвенного дополнения являются глаголы пропозициональной установки, такие как *надеяться* (*о*), *сожалеть* (*о*) и др., а также глаголы речи, такие как *хвастаться* (*о*), *настаивать* (*на*) и др. Можно предположить, что в силу регулярного использования нулевого предлога в контексте глаголов, выражающих пропозициональные установки, за ним постепенно закрепляется значение обладания пропозициональной установкой, становясь его лексическим свойством. Надо отметить, что частотность употребления в определенном контексте, вообще говоря, не обязательно приводит к ограничению на одушевленность. Как верно замечает анонимный рецензент, придаточные со *что* как таковые, несмотря на предположительно сходные предпосылки, не приобретают ограничения на одушевленность. По-видимому, следует заключить, что действие соответствующего функционального механизма ограничено нулевыми элементами, хотя такая гипотеза требует проверки. Отметим также, что само по себе функциональное объяснение не противоречит наличию формального грамматического ограничения, поскольку второе может иметь самостоятельный статус и при этом быть мотивированным первым (что в литературе носит название «grounded account», см. [Phillips 2013]).

Приведенная трактовка нулевого предлога — в соответствии с которой ограничение на одушевленность нулевого предлога и само его наличие в структуре обусловлены разными механизмами — позволяет объяснить не только ограничение на одушевленность как таковое, но и тот факт, что это ограничение носит неабсолютный характер, как было показано в разделах 2 и 3. Согласно такой трактовке, нарушение принципа в (34), как в примере (47), в конечном счете несут семантический характер, поскольку в них не удовлетворяется лишь семантическое требование — условие лицензирования нулевого предлога (отсутствует подходящий одушевленный референт), в то время как формально-грамматическое требование — наличие (падежного) лицензирования придаточного самим нулевым предлогом — не нарушается.

(47) ^{??}*Название комиссии намекает, что серьезные противоречия между двумя министерствами в данной области в прошлом.*

Это вытекает из предполагаемого приоритета формально-грамматических требований над семантическими, иначе говоря, синтаксис «вслепую» поставляет соответствующий предлог, не проверяя заранее, пройдет ли он семантическое лицензирование аргументной структурой глагола. Нарушение возникает уже только на этапе семантической интерпретации, при которой нулевой предлог получает соответствующее значение (*hold*), что

⁴⁶ Примером действия этого механизма является восстановление значения «пропущенного» глагола в предложениях типа *John began <to read> a book* исходя из семантики дополнения ('book'), как предлагается в [Pustejovsky 1995] (см. критику такого подхода в [Ramchand 2008: 12—13]; см. также [Rytkänen 2008], где обсуждается вопрос о необходимости постулировать в структуре соответствующих предложений нулевую глагольную вершину).

приводит к семантической аномалии в структурах без подходящего одушевленного референта типа (47). Таким образом, семантический характер нарушения объясняет его неабсолютный характер.

Эта трактовка подтверждается отмеченным выше фактом, что при местоименных подлежащих, как в (48), запрет на придаточное со *что* оказывается сильнее, чем при неместоименных.

- (48) **Это намекает, что серьезные противоречия между двумя министерствами в данной области в прошлом.*

Поскольку конструкция с придаточным со *что* в позиции косвенного дополнения интерпретируется как *нолд*, носители вынуждены переосмыслить неодушевленное подлежащее как агенс или экспериенцер, чтобы избежать семантического нарушения. Естественно считать, что такое переосмысление оказывается сложнее — если оно вообще возможно — для более абстрактных референтов, к которым относятся местоимения типа *это*, *все*, *много* и т. д., чем для предметных, пусть и неодушевленных референтов типа *название*⁴⁷. Таким образом, можно считать, что неабсолютный характер нарушений принципа в (34) следует из того, что неодушевленное подлежащее ограниченно допускает «коэрсию», в результате которой оно может быть метафорически переосмыслено как одушевленное (субъект пропозициональной установки).

Заключение

Суммируем основные утверждения статьи. Было предложено новое ограничение на сентенциальные актанты в русском языке, сформулированное в (49).

- (49) (=34a) **Ограничение на сентенциальный актант** (сокращенная версия)

Если у предиката есть сентенциальный актант в позиции косвенного дополнения, то этот актант может быть выражен придаточным со *что*, только если у этого предиката есть другой актант со значением 1) агенса коммуникативного акта (содержанием которого является этот сентенциальный актант) или 2) субъекта пропозициональной установки (содержанием которой является этот сентенциальный актант).

Аргументом в пользу этого ограничения послужил тот факт, что при деагентивных употреблениях глаголов речи придаточное со *что* становится недопустимым. Поскольку степень допустимости придаточных со *что* потенциально может быть следствием не грамматического нарушения, а независимых факторов, уменьшающих приемлемость, — неагентивности подлежащего и выбора придаточного со *что* (в позиции косвенного дополнения), был проведен эксперимент. Результаты эксперимента показали, что относительная неприемлемость нарушений принципа в (49) не может быть объяснена (линейно-аддитивным) эффектом независимых факторов, что служит свидетельством в пользу грамматического

⁴⁷ Данное объяснение перекликается с объяснением, предложенным О. Е. Пекелис [2014] для сходного эффекта, наблюдаемого при неагентивных употреблениях манипулятивных глаголов с придаточным со *чтобы*, проиллюстрированных в (i). Пекелис объясняет этот контраст семантическим противопоставлением «предметов» и «фактов», указывая на невозможность локализации последних в пространстве-времени, что, в свою очередь, лишает такое подлежащее «самодостаточности», влияющей на допустимость придаточного со *чтобы*. Ср. следующую цитату: «Если единица, имеющая пространственно-временную локализацию, может хотя бы метафорически осмысляться как источник активности, то о факте, лишенном такой локализации, этого, по-видимому, сказать нельзя» [Пекелис 2014: 23] (выделение в примерах мое. — М. К.).

- (i) а. **Это позволило, чтобы мы увеличили расходы.*
 б. ?*Ситуация позволила, чтобы мы увеличили расходы.*
 ср. *Начальник позволил, чтобы мы увеличили расходы.*

характера этого принципа и тем самым косвенно подтверждает предложенное объяснение в терминах нулевого предлога⁴⁸.

В статье было предложено формальное объяснение для ограничения (49), опирающееся на трактовку падежного фильтра в терминах условия видимости (см. [Stowell 1981; Tsai 1995]), в результате которой падежный фильтр должен быть распространен на все актанты, включая сентенциальные. Предложенная концепция падежного фильтра была дополнена особым механизмом лицензирования сентенциальных актантов в позиции косвенного дополнения посредством нулевого предлога, приписывающего нулевой падеж. Это позволило трактовать ограничение (49) как результат семантической интерпретации нулевого предлога в качестве отношения обладания пропозициональной установкой (требующего актанта с соответствующей семантикой у матричного предиката).

Вернемся к предположению А. Б. Летучего, приведенному в начале статьи, согласно которому в классе сентенциальных актантов необходимо выделять подклассы в зависимости от их синтаксической позиции (см. таблицу 1). Ограничение (49) в целом подтверждает эту классификацию, поскольку оно исходит из противопоставления косвенных сентенциальных дополнений — накладывающих ограничения на аргументную структуру глагола — прямым сентенциальным дополнениям, которые таких ограничений не демонстрируют. Вместе с тем предложенное в статье объяснение исходит из фундаментального единства сентенциальных актантов обоих типов, а также их сближения с именными актантами на основе общего для всех актантов требования падежа. Несмотря на кажущееся противоречие, рассматриваемые подходы не исключают друг друга, поскольку имеют дело с разным уровнем обобщения.

За кадром осталось множество вопросов. В первую очередь, предстоит выяснить, насколько точно принцип (49) отражает дистрибуцию придаточных со *что* в косвенных позициях. Будучи достаточно жестким ограничением, этот принцип не защищен от контр-примеров и, возможно, потребует дальнейшего уточнения. С другой стороны, остается неясным, в какой мере это ограничение способно объяснить другие потенциальные ограничения на придаточные⁴⁹. Для дальнейшей работы также остаются вопросы, связанные с тем, в какой мере данное ограничение может быть распространено на другие языки и другие типы сентенциальных актантов в русском языке. Наконец, требуется более внимательное рассмотрение альтернативных источников (сверхаддитивного) взаимодействия, которое было получено в эксперименте и которое послужило важным свидетельством в пользу предложенного ограничения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACC — аккузатив
DAT — датив
DP — именная группа
GEN — генитив
NULL — нулевой падеж

⁴⁸ Заметим, что ограничение в (49) не объясняет также обнаруженный в эксперименте независимый эффект придаточного со *что* (см. раздел 3.3). Предложенный в разделе 5 подход позволяет предположить, что этот эффект может быть вызван сложностью обработки самого нулевого предлога (даже при его лицензировании). Такое объяснение косвенно подтверждается тем, что этот эффект не был обнаружен при глаголе *говорить*, который единственный из шести проверявшихся глаголов допускает прямое сентенциальное дополнение при агентивном употреблении и, таким образом, способен лицензировать придаточное без участия нулевого предлога.

⁴⁹ Одним из таких ограничений может быть недопустимость придаточного в функции агентивного дополнения при пассиве, ср.: *Он был обрадован^{??} (тем), что его пригласили на вечеринку*. Автор благодарен анонимному рецензенту за данное замечание. Другое ограничение связано с употреблением сентенциальных актантов при полных формах прилагательных, см. [Knyazev 2016: 163].

- P_{HAVE} — нулевой предлог, вводящий актант с ролью темы в конструкции с двойным объектом [Harley 2002]
- P_{HOLD} — нулевой предлог, вводящий сентенциальное косвенное дополнение
- T — функциональная категория, кодирующая (не)финитность клаузы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.: Изд-во АН СССР, 1948—1965. [*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A dictionary of modern standard Russian]. Vol. 1—17. Moscow: Izd-vo AS USSR, 1948—1965.]
- Гловинская 1993а — Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых форм // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158—217. [Glovinskaya M. Ya. Semantics of speech verbs from the perspective of speech act theory. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii: Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 158—217.]
- Гловинская 1993б — Гловинская М. Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 82—88. [Glovinskaya M. Ya. Russian speech acts with the meaning of mental influence. *Logicheskii analiz yazyka: Mental'nye deistviya*. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 82—88.]
- Горшкова 2014 — Горшкова М. А. Субъекты нетипичных онтологических классов при глаголах речемыслительной сферы и сферы восприятия в русском языке. Дипломная работа. СПб.: СПбГУ, 2014. [Gorshkova M. A. *Sub'ekty netipichnykh ontologicheskikh klassov pri glagolakh rechemyislitel'noi sfery i sfery vospriyatiya v russkom yazyke. Diplomnaya rabota* [Subjects of non-typical ontological classes in collocations with verbs of cogitative and verbal activity and verbs of perception in Russian. Diploma paper]. St. Petersburg: Saint Petersburg State Univ., 2014.]
- Зализняк 2000 — Зализняк Анна А. Глагол *говорить*: три этюда к словесному портрету // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zaliznyak Anna A. The verb *govorit'*: Three sketches to the descriptive portrait. *Yazyk o yazyke*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Князев 2017 — Князев М. Ю. Исследование «слабого» грамматического ограничения методами экспериментального синтаксиса: пример придаточных с союзом *что* в функции сентенциального актанта существительного // Рема. 2017. № 1. С. 22—40. [Knyazev M. Yu. Studying a weak grammatical violation with experimental syntax methods: The case of sentential complements of nouns with the complementizer *что*. *Rhema*. 2017. No. 1. Pp. 22—40.]
- Летучий 2012 — Летучий А. Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 57—87. [Letuchii A. B. Some features of sentential arguments in Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 5. Pp. 57—87.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- НОСС 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. [*Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Under general supervision of acad. Yu. D. Apresjan. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Падучева 2001 — Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52—79. [Paducheva E. V. Causative verb and decausative in Russian. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2001. No. 1. Pp. 52—79.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexis]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- Пекелис 2014 — Пекелис О. Е. Инфинитив vs. придаточное с союзом *чтобы*: к вопросу о выборе способа оформления сентенциального актанта в русском языке // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 13—45. [Pekelis O. E. Infinitive vs. *чтобы*-clause: Choosing the strategy of sentential argument marking in Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 4. Pp. 13—45.]
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Т. 1—4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. [Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1—4. Moscow, 1935—1940.]

- Федорова 2013 — Федорова О. В. Об экспериментальном синтаксисе и о синтаксическом эксперименте в языкознании // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 3—21. [Fedorova O. V. Experimental syntax and syntax experiment. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 1. Pp. 3—21.]
- Almeida 2014 — Almeida D. Subliminal *Wh*-islands in Brazilian Portuguese and the consequences for syntactic theory. *Revista da ABRALIN*. 2014. Vol. 13. No. 2. Pp. 55—93.
- Alrenga 2005 — Alrenga P. A sentential subject asymmetry in English and its implications for complement selection. *Syntax*. 2005. Vol. 8. No. 3. Pp. 175—207.
- Authier 1991 — Authier J.-M. V-governed expletives, case theory, and the projection principle. *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. No. 4. Pp. 721—740.
- Bošković 1995 — Bošković Ž. Case properties of clauses and the greed principle. *Studia Linguistica*. 1995. Vol. 49. No. 1. Pp. 32—53.
- Chomsky 1981 — Chomsky N. *Lectures on government and binding*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Chomsky, Lasnik 1993 — Chomsky N., Lasnik H. The theory of principles and parameters. *Syntax: An international handbook of contemporary research*. Vol. 1. Jacobs J., von Stechow A., Sternefeld W., Vennemann T. (eds.). Pp. 506—569.
- Davies, Dubinsky 2009 — Davies W., Dubinsky S. On the existence (and distribution) of sentential subjects. *Hypothesis A / hypothesis B: Linguistic explorations in honor of David M. Perlmutter*. Gerds D. B., Moore J. C., Polinsky M. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2009. Pp. 111—128.
- Grice 1957 — Grice P. Meaning. *The Philosophical Review*. 1957. Vol. 66. No. 3. Pp. 377—388.
- Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.
- Harley 2002 — Harley H. Possession and the double object construction. *Yearbook of linguistic variation*. Vol. 2. Pica P., Rooryck J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 31—70.
- Hofmeister, Sag 2010 — Hofmeister P., Sag I. A. Cognitive constraints and island effects. *Language*. 2010. Vol. 86. No. 2. Pp. 366—415.
- Khomitsevich 2008 — Khomitsevich O. *Dependencies across Phases: From sequence of tense to restrictions on movement*. PhD diss. Utrecht: Utrecht Univ., 2008.
- Kissine 2010 — Kissine M. Metaphorical projection, subjectification and English speech act verbs. *Folia Linguistica*. 2010. Vol. 44. No. 2. Pp. 339—370.
- Kluender, Kutas 1993 — Kluender R., Kutas M. Subjacency as a processing phenomenon. *Language and Cognitive Processes*. 1993. Vol. 8. No. 3. Pp. 573—633.
- Knyazev 2016 — Knyazev M. *Licensing clausal complements: The case of čto-clauses*. PhD diss. Utrecht: Utrecht Univ., 2016.
- Knyazev 2017 — A general DP-shell analysis of clausal complements: Experimental evidence from the agentivity restriction on Russian *čto*- and *čtoby*-clauses. *Rhema*. No. 4. Pp. 79—93.
- Koster 1978 — Koster J. Why subject sentences don't exist. *Recent transformational studies in European languages*. Keyser S. J. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1978. Pp. 53—64.
- Landau 2006 — Landau I. Severing the distribution of PRO from Case. *Syntax*. 2006. Vol. 9. No. 2. Pp. 153—170.
- Lasnik 2008 — Lasnik H. On the development of Case theory: Triumphs and challenges. *Foundational issues in linguistic theory: Essays in honor of Jean-Roger Vergnaud*. Freidin R., Otero C., Zubizarreta M.-L. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2008. Pp. 17—41.
- Martin 2001 — Martin R. Null Case and the distribution of PRO. *Linguistic Inquiry*. 2001. Vol. 32. No. 1. Pp. 141—166.
- Moore, Perlmutter 2000 — Moore J., Perlmutter D. M. What does it take to be a dative subject. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2000. Vol. 18. No. 2. Pp. 373—416.
- Moulton 2009 — Moulton K. *Natural selection and the syntax of clausal complementation*. PhD diss. Amherst: Univ. of Massachusetts, 2009.
- Noonan 1985 — Noonan M. Complementation. *Language typology and syntactic description*. Vol. III. *Complex constructions*. Shopen T. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.
- Pesetsky 1982 — Pesetsky D. *Paths and categories*. PhD diss. Cambridge (MA): MIT, 1982.
- Pesetsky 1991 — Pesetsky D. Zero Syntax II: An essay on infinitives. Ms. Cambridge (MA): MIT, 1991.
- Pesetsky 1993 — Pesetsky D. Topic... comment. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1993. Vol. 11. No. 2. Pp. 557—558.
- Pesetsky 1998 — Pesetsky D. Some optimality principles of sentence pronunciation. *Is the Best Good Enough?* McGinnis M., Hagstrom P., Barbosa P., Fox D., Pesetsky D. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 1998. Pp. 337—383.
- Pesetsky 2013 — Pesetsky D. *Russian case morphology and the syntactic categories*. Cambridge (MA): MIT Press, 2013.

- Pesetsky, Torrego 2004 — Pesetsky D., Torrego E. Tense, case, and the nature of syntactic categories. *The syntax of time*. Guéron J., Lecarme J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2004. Pp. 495—537.
- Pesetsky, Torrego 2011 — Pesetsky D., Torrego E. Case. *The Oxford handbook of linguistic minimalism*. Boeckx C. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. Pp. 52—72.
- Phillips 2013 — Phillips C. On the nature of island constraints. I: Language processing and reductionist accounts. *Experimental syntax and island effects*. Sprouse J., Hornstein N. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. Pp. 64—108.
- Pylkkänen 2008 — Pylkkänen L. Mismatching meanings in brain and behavior. *Language and Linguistics Compass*. 2008. Vol. 2. No. 4. Pp. 712—738.
- Pustejovsky 1995 — Pustejovsky J. *The generative lexicon*. Cambridge (MA): MIT Press, 1995.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. *Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Safir 1985 — Safir K. *Syntactic chains*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.
- Schütze 2016 — Schütze C. T. *The empirical base of linguistics: Grammaticality judgments and linguistic methodology*. (Classics in Linguistics, 2.) Berlin: Language Science Press, 2016.
- Schütze, Sprouse 2014 — Schütze C., Sprouse J. Judgment data. *Research methods in linguistics*. Podesva R., Sharma D. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. Pp. 27—50.
- Searle 1976 — Searle J. R. A classification of illocutionary acts. *Language in Society*. 1976. Vol. 5. No. 1. Pp. 1—23.
- Sprouse, Hornstein 2013 — Sprouse J., Hornstein N. (eds.). *Experimental syntax and island effects*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Sprouse et al. 2013 — Sprouse J., Wagers M., Phillips C. Deriving competing predictions from grammatical approaches and reductionist approaches to island effects. *Experimental syntax and island effects*. Sprouse J., Hornstein N. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. Pp. 21—41.
- Stowell 1981 — Stowell T. *Origins of phrase structure*. PhD diss. Cambridge (MA): MIT, 1981.
- Takahashi 2010 — Takahashi S. The hidden side of clausal complements. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. No. 2. Pp. 343—380.
- Tsai 1995 — Tsai W.-T. D. Visibility, complement selection and the Case requirement of CP. *Journal of East Asian Linguistics*. 1995. Vol. 4. No. 4. Pp. 281—312.

Получено / received 01.08.2017

Принято / accepted 12.09.2017